

ДМ. ЕПИФАНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ТАБУРЕТКА

Хабаровское
книжное
издательство

Благовещенск
1976

Д.М. ЕПИФАНОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ТАБУРЕТКА

Е 67

ДВ Р2

Художник Е. А. ВЕДЕРНИКОВ

© Хабаровское книжное издательство, 1976

Е $\frac{70302}{M160(03)-76}$ -76

ЛЮБЛЮ ГОРЯЧИХ!

На другой день вызываю. Приходит. Садится. Глаз не поднимает. Хмурится.

А я посмеиваюсь:

— Сознайтесь, Дмитрий Иванович, после вчерашнего подумали вы, будто начну я вас притеснять. А? Прижимать вас. Изживать. А? Подумали?

— От вас, — говорит, — всего можно ожидать. Только «изжить» меня, как раньше заместителя и главбуха, не удастся. — И даже кричит в запальчивости: — Не на того напали!

Горячий. Люблю горячих! Легко с ними работать. Хорошие они ребята — наша молодежь!

— Дмитрий Иванович, — говорю, — голубчик, зачем же так мрачно? У нас в тресте любят поговорить. Знаю.

Говорят и про заместителя с главбухом. Тоже знаю. Будто выжил я их. И будто за критику. Ерунда! Критиковал меня главбух. Ну и что? И я его критиковал. Все мы друг друга критикуем. А как же! На том стояли и стоять будем. Но интересы дела потребовали укрепить опытным счетным работником периферийное предприятие. Вот потребовали! А? Допустим, вы руководитель. Как быть? Говорят, избавился от заместителя. А его, между прочим, в главк перевели. Отозвали. Его повысили! А? И вам я, честно скажу, от души благодарен. За науку. За критику. И за то, что письмо в горком написали. Да, да, да, — и за это! Раз не сумел сделать правильных выводов из критики, получай выговор. А как же! На том стояли и стоять будем...

Смотрит на меня мой Дмитрий Иванович, и вижу — не совсем верит. Сомневается. Но отчасти все-таки верит. Хорошая у нас молодежь!

— Но не за тем, — говорю, — пригласил я вас, Дмитрий Иванович, чтобы изливаться в чувствах и благодарить. За критику не благодарят. Ее принимают и исправляются. Правильно я говорю? Правильно! Пригласил я тебя вот для чего. Живешь ты с женой на частной квартире. Знаю. И что пополнение ждешь — знаю. Квартира нужна. Есть квартира! Четырехкомнатная. Занимай. Держал для нового заместителя, а потом так подумал: придет заместитель — без квартиры не останется. Получай ордер!

Вижу, Дмитрий Иванович медленно заливается краской. То есть, смущен парень беспредельно. И берет ордер — и, вроде, не берет. Бормочет: дескать, неудобно как-то, дескать, возможно, есть более нуждающиеся. И не велика ли квартира для его семьи? Все-таки четыре комнаты на двоих. Третьего пока нет...

— С перспективой, — говорю, — надо жить, молодой человек! Так нас учат. И еще чему учат? Учат за-

ботиться о молодых специалистах. На том стояли и стоять будем!

На другой день, вижу, парень ходит сам не свой от радости. Сияет. То есть, живет полнокровно.

Я, конечно, жду. Терпения хватает.

К концу недели, замечаю, помрачнел, осунулся, нос заострился и на меня не смотрит.

Хорошая она у нас, молодежь! Открытая. Вся на виду. Легко с ней работать.

...По правде говоря, я от него ждал большего. Был уверен, придет ко мне сразу, как только узнает, что включен в список на премию. А он появился уже потом, когда от премии, похоже, мало что осталось. Дело известное — квартира большая, не так просто ее обставить. На его-то зарплату!

Пришел в запальчивости. Лицо — красными пятнами, пальцы дрожат. Не знает, с чего начать, как говорить. Нервничает...

— Премия, — кричит, — это неправильно! Мне сегодня сказали... Почему дали только мне из всего нашего отдела? Если всему отделу не положено, почему тогда мне? Я, конечно, деньги верну... ну, скоро. И квартира... Столько разговоров! Все говорят, что это неправильно. Все против.

Я ему говорю, что на квартиру каждый гражданин у нас имеет право. А раз его премировали, — значит, он лучше других работал. Заслужил. И этому обстоятельству радоваться надо. — По-отечески говорю: — Радоваться надо, а не нервничать. И сам же вот намекаешь, денег не хватает...

Он аж задохнулся:

— Кто намекает? Я намекаю?... Я... Вы...

Выскочил и дверью хлопнул.

Горячая наша молодежь. Огонь! Пламя! Работать с ней — одно удовольствие.

На отчетном собрании он, конечно, выступил. Но горячился сверх всякой меры, а когда человек в нервном возбуждении, кричит, — это, естественно, воспринимается уже в ином роде. И только он заикнулся, что, дескать, квартиру вернет, как только найдет частную, и премию вернет... вот только чуть выйдет из материальных затруднений, как из зала закричали:

— Председательствующий, регламент! А вы, уважаемый молодой специалист, не считайте других дураками! Вас, Мазин, насквозь видно!

Со своей стороны, как руководитель, я похвалил Дмитрия Ивановича за остроту и принципиальность, поставил на место тех, кто пытался сорвать его, пусть на этот раз не совсем удачное выступление. Критику, говорю, надо развивать и поощрять. Тем более, когда выступает талантливый инженер. Растущий и перспективный работник. А в будущем, возможно, неплохой руководитель...

На другой день с утра первым зашел непосредственный начальник Мазина — заведующий отделом. Помялся.

— Меня интересует... Я о Мазине. «В будущем, возможно, неплохой руководитель». Имеется в виду — отдела?

— Возможно. Между прочим, в жизни все возможно...

Потом явился Мазин. Ногти кусает. Кладет на стол заявление, просит уволить.

— А как же с квартирой? — спрашиваю. — Ее же придется освободить. Она ведомственная.

— Освобожу! И премию верну!

Вздыхаю. Потому что — тяжело.

Отворачивается. Только желваки играют.

— Чего, — спрашиваю, — не работать-то было? А? Поддерживал, поощрял. Помогал. А теперь что снова обо

мне скажут? А? Дмитрий Иванович? Скажут — выжил. За критику. Так?

Тогда он прищурился и запальчиво говорит:

— Вам не надо бояться, чего скажут! Склизкий вы. Вас не ухватишь.

Молодежь... Горячие люди! Пламя! А работать с ними легко. С такими, как, скажем, главный бухгалтер или бывший заместитель, потруднее было.

Я ЗА СЕБЯ СПОКОЕН

Вежливый — исключительно. Спрашивает: по какому, дескать, вопросу и чего вам надо.

Чудак человек! Каждому завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно. Другому — другое. Третьему — одно, другое и третье. Между прочим, и в газетах пишут: нашему человеку для счастья надо много. Мне, к примеру, квартиру, чтоб на втором этаже (у меня на четвертом), балконом на юг, а спальней на север, путевку в Сочи, материальную помощь и зятю стройматериалы для дачи.

Объясняю помощнику:

— Вы — механизм маленький, и от вас мне надо одно — пропустить на прием к управляющему.

— Я должен знать, по какому вопросу и чего вам надо.

А сам глаза отводит.

— Про то, чего надо, — отвечаю, — я скажу управляющему.

— В таком случае извините, — говорит, — управляющий занят и принять вас не может.

— Ничего, подожду. У меня время есть.

Тогда этот самый помощник со значением, но, заметьте, исключительно вежливо сообщает:

— Он вообще все эти дни будет занят и принять вас не сможет.

— Это, — спрашиваю, — как понимать? Начинаем помаленьку забюроккрачиваться? Помаленьку уходить от народа за клеенчатые двери?

И, не сводя с него глаз, начинаю медленно опускать руку во внутренний карман.

Он у меня всегда при себе, во внутреннем кармане. Я без него никуда не выхожу, потому что в нем великая сила. Когда он при мне, я за себя спокоен.

Помощник бросает на меня быстрый взгляд и бледнеет:

— Какой вы, право... Подождите минуточку, доложу. Минуты через две возвращается:

— Проходите.

Управляющий хмурый, на меня не смотрит. Глядит в бумаги. Даже сесть не предлагает. Присаживаюсь сам.

— Слушаю, — говорит.

Я ему объясняю, что каждому человеку завсегда чего-нибудь надо. Одному — одно. Другому — другое. Третьему — одно, другое и третье. И это правильно. Так же, говорю, и в газетах пишут... И выражаю свои просьбы.

— Не могу, — говорит и поднимает на меня глаза. — Вот так, не могу! Квартуру, вы получили, вполне достаточную. На курорт ездили, и двух месяцев нет как вернулись. Помощь вам уже оказывали, хотя вы в ней

и не сильно нуждались. Стройматериалы зятю выделили, хотя и не полагалось.

Я разъясняю, что выделили одному зятю, а теперь надо другому.

— Все! Хватит. До свиданья, — и ладошкой по столу хлопает.

— Нет, не хватит, — говорю. — Вы, дорогой товарищ начальник, не имеете никакого полного права выгонять из своего кабинета служащего человека...

И медленно начинаю засовывать руку во внутренний карман.

Управляющий делает вид, будто углубляется в бумаги, и мою руку не замечает. Тогда я вытаскиваю из внутреннего кармана...

Думаете, револьвер? Ну что вы! Револьвер — чепуха, игрушка...

Блокнот!

На обложке синими чернилами вывел покрупнее, чтобы бросалось в глаза: «Для заметок в газету».

Кладу блокнот на стол и тихонько постукиваю ногтем по этим словам.

Управляющий на меня не смотрит, но лицо у него начинает покрываться бурыми пятнами. Значит, реагирует.

Он знаком с этим блокнотом, наш управляющий! Полгода назад у него в кабинете побывало по моим сигналам пять комиссий, а после, говорят, чуть не случился у него инфаркт...

— Вон, — говорит он шепотом, но со злостью. — Вон, вымогатель и шантажист! Прошло твоё время, клеветник и пасквилянт!

И добавляет, что меня, дескать, достаточно все в городе узнали...

— Вы, — отвечаю (заметьте, очень спокойно), — не очень-то. Держите, — говорю, — ноги в тепле, а голо-

зу в прохладе, это помогает от нервных болезней. А за оскорбление ответите по всей строгости.

Делаю, конечно, беглые заметки в блокноте и иду в приемную. Но тут слышу: сзади окликают. Оборачиваюсь — стоит на пороге своего кабинета, рукой за сердце держится.

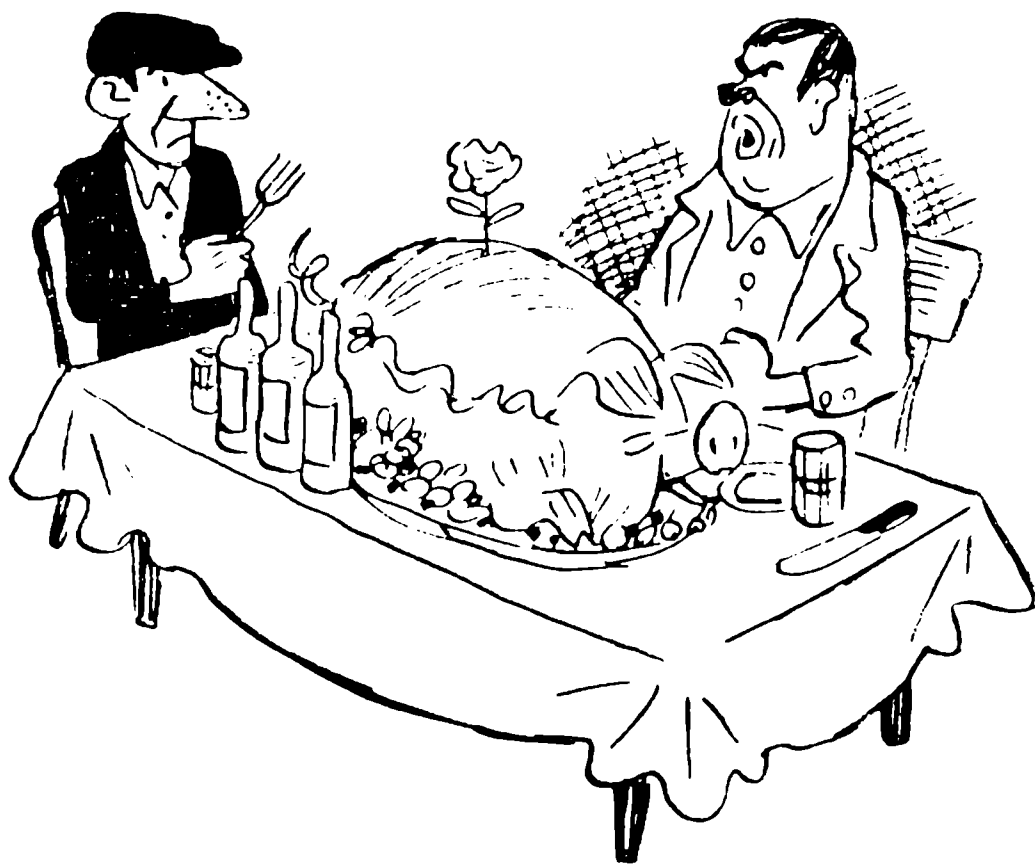
— Вернитесь, — говорит.

Вертаюсь. Хмурится:

— Пишите, — говорит, — заявление...

Пишу, конечно, потому что каждому человеку за-
всегда чего-нибудь надо. Одному — одно, другому —
другое. И в газетах так же пишут...

СВИНЬЯ НА БЛЮДЕ

В райисполкоме мне сказали:

— А как же! Есть такие, что уже закончили. Вот «Новая заря». Колхоз, правда, небольшой. Но председатель — орел, хоть фамилия у него Курицын. Обещал убрать за десять дней. Сегодня десятый день, — и вот он, рапорт. Убрал. И хлеб засыпал в закрома. Теперь знай вози на элеватор. А главное, обратите внимание: работает в колхозе всего какой-нибудь месяц.

...Председатель и в самом деле был орел — огромный плечистый дядя в пиджаке и сапогах. Он не сидел за столом. Он возвышался над ним. Рядом вертелся человек в надвинутой на самый нос кепке с большим козырьком — его заместитель, правая рука.

— Очерк писать? — сказал председатель, вертя меж-

ду пальцами толстый граненый карандаш. — Это можно.
— Василь Васильевич заслужил! — Торопливо молвил заместитель.

Председатель не возразил. Я хотел было внести ясность — сказать, что приехал писать, собственно, не о председателе, а о колхозе. Но орел меня опередил.

— Ну что ж, — привычно сказал он, — пиши. Родился я...

И биография у Василия Васильевича оказалась орлиная — руководил он во многих местах, и повсюду его посылали на укрепление. Правда, тут председателем пока формально не избрали: не было еще выборного собрания, потому что время такое — не до собраний. В райисполкоме сказали — немного погодя. Сначала надо проявить себя.

— И уже проявил! — снова заторопился заместитель.

А Курицын опять не возразил. Видимо, был согласен, что да, проявил.

Мне совсем уж неловко стало. Прошу:

— Вы бы о людях рассказали. О колхозниках.

— О людях? — Председатель искренне удивился. — А что о людях говорить? Люди как люди...

Тут «правая рука» наклонился к председательскому уху, что-то прошептал.

— Зачем это? — громко возразил Курицын. — У нас есть столовая. Если захочет товарищ покушать, пусть пойдет и на общих основаниях пообедает.

Я почувствовал себя так, будто мне уже пытались сунуть за пазуху жареного цыпленка.

— Я бы лучше в поле съездил.

— В поле? А что там делать, в поле? Все уже убрано.

— Как вам сказать... Интересно, знаете, побывать в поле, когда там шум работ умолк.

— Ну разве что интересно, — председатель поднялся. — Можно и съездить. Да, Сидоров, ты там насчет

обеда говорил. Поди-ка, в самом деле, скажи, чтоб яичницу сделали. А то на общих основаниях, пожалуй... Все-таки товарищ из города.

— Товарищ Курицын, вы меня, честное слово...

— Ничего-ничего, товарищ корреспондент, поехали. Поехали...

...Как это получилось, не поняли ни я, ни председатель: выскочив из-за леска, наша машина оказалась прямо около двух комбайнов. Комбайны стояли, комбайнеры лежали, а перед нами расстилался нетронутый массив созревшей пшеницы.

— Его что ж, позавчера не скосили? — строго спросил орел у своего заместителя. — Его же должны были скосить. Он и в сводку пошел.

— Сломались, видать, позавчера... — сделал предположение «правая рука». Говорил этот человек удивительно быстро.

Тут они немного поотстали, и у них состоялось небольшое производственное совещание. На приглушенных тонах. Сначала слышался невнятный шепот заместителя, потом внятный полубас председателя:

— Ладно, пусть поймают и зажарят двух петухов. Только живо.

И «газик» с заместителем помчался в деревню.

В ходе непринужденной беседы комбайнеров с председателем (была она настолько непринужденной, что опубликовать ее стенограмму было бы затруднительно) выяснилось, что за мостом не скошен еще один такой же массив. А в Ганькиной пади — даже чуть поболее. И если все это сложить, то как раз выйдет, что половина хлеба еще не убрана. А комбайны вторые сутки стоят. Комбайнеры вторые сутки ждут машину с запчастями. Ту самую, что единственная в колхозе на ходу. Они ждут, а на ней заместителева теща вчера уехала на базар...

— Это не ваше дело, куда уехала машина! — оборвал Курицын молодого комбайнера.

— Почему это не наше? — возразил комбайнер. — Наше. Мы тут хозяева. А вы человек случайный. Как пришли, так и уйдете.

Разговор прервал примчавшийся из деревни заместитель. Приоткрыв дверцу «газика», он крикнул:

— Все в порядке. Поехали!

В деревню хотели было ехать той же дорогой, но «правая рука» сказал, что есть путь короче. Он велел шоферу править вдоль леска, а потом напрямик через какой-то луг, по высоченной траве. Когда луг кончился, прямо перед нами открылось скошенное поле. И на том поле — в беспорядке разбросанные кучи зерна. Как ссыпали его из бункеров на стерню, так оно и лежит. И давненько, — кучи уже подернулись зеленой порослью.

— Его, что ж, не вывезли? — спросил орел своего заместителя. — И ты нарочно нас привез сюда, чтобы показать?

— Честное слово!.. — закричал «правая рука» и вывалился из машины. За ним вылез Курицын. Началось очередное совещание, закончившееся тем, что председатель, залезая в машину, сказал:

— Давай пусть жарят гуся. А мы с корреспондентом заедем на ток.

— На ток? — испугался заместитель. — Тогда может, поросенка?

Орел с треском захлопнул дверцу, машина развернулась и по своей же колее двинулась через луг к леску. А «правая рука», мелькая локтями и рассекая козырьком воздух, мчался через скошенное поле.

На току смотреть было нечего, кроме куриной стаи, густо облепившей хлебный ворох, да свиньи с выводком. Свинья зарылась в пшеницу и грелась на солнце,

а огненный петух, видать, так обожрался, что только бессмысленно вертел по сторонам головой.

— Ну, как впечатление? — нахально спросил председатель.

В конторе меня ждал сюрприз. Председательский стол был накрыт. На нем стояли три граненых стакана, две бутылки водки, и на блюде вместо поросенка возвышалась целиком зажаренная свинья.

— Так как же впечатление? — снова спросил Курицын, устраиваясь около свиньи.

Его заместитель уже сидел наготове с вилкой.

— Извините, — сказал я. — Я, пожалуй, пойду. Мне свинина противопоказана. По причине гастрита. А водка тем более.

Уже закрывая дверь, я услышал приглушенный бас председателя:

— Подложил ты мне свинью. Говорил, гуся жарь!

ПОСЛЕДНЯЯ ТАБУРЕТКА

Когда-то в вывесках предпочитали наглядность. Цирюльник приколачивал над дверями своего заведения огромную, вырезанную из фанеры бритву. Над булочной раскачивался вытесанный из деревянной чурки батон. Сапожник накидывал на гвоздь, вбитый в стену, плоские картонные сапоги.

Если бы Егор Зыкин решил таким манером афишировать возглавляемое им предприятие, ему бы пришлось снять длинную, во весь фасад, вывеску «Райпромкомбинат облупрместпрома» и вместо нее повесить табуретку. Потому что комбинат специализировался именно на табуретке.

Хотя табуретка была обыкновенная, мороки она доставляла много.

Директор комбината давно заметил, что его предприятие подчиняется некоему неумолимому экономическому закону — каждый месяц приходилось брать план штурмом. То есть две декады — раскачка, третья — горячка. Почему так получается, Егор Зыкин никак не мог уразуметь, — ведь табуретка была на потоке: один цех делал заготовки, другой их собирал. Налицо должен быть ритм!

Правда, он не сильно над этим и думал. Он был человек грамотный, читал в газетах, что кое-где и на более серьезной ноемеклатуре люди не могут избавиться от штурмовщины. Поэтому Зыкин не забирался в бездонные глубины экономики, а только следил, чтобы штурм проводился с полным накалом.

На сей раз в конце квартала директор целую неделю тормозил бухгалтерию, и та с таким усердием «сверстывала» план, что треск арифмометров и щелканье полированных косточек на счетах напоминали атаку автоматчиков.

В предпоследний день отчетного квартала бухгалтер доложил директору, что с планом, наконец, полная ясность.

— Ежели считать, — сказал он, — что каждая единица нашей продукции составляет ноль целых девять десятых процента, то до плана не хватает всего-навсего сто пятьдесят единиц.

Егор Иванович вытаращил глаза.

— Сто пятьдесят табуреток? — И зловещим шепотом спросил: — А как же мы освоим их за один день? А? Какими силами?

Он ужасно боялся провалить план, потому что в облупрместпроме твердо пообещали снять его с работы, если он третий раз подряд завалит квартальную программу.

Впрочем, Зыкин испугался напрасно. В небольшом

райпромкомбинате, как и на большом гиганте индустрии, был свой актив. Посоветовавшись, активисты нашли выход: план можно спасти, если часть квалифицированных рабочих направить в заготовительный цех, а административно-управленческий аппарат бросить на сборку. Весь, целиком. Вплоть до уборщицы тети Даши. Установить каждому норму табуреток и, пока норма не будет выполнена, домой не уходить.

— Да, — мрачно заметил Зыкин. — Но какой из меня сборщик? Или из тети Даши? Я никогда молотка в руках не держал.

— Ну, вам, допустим, брать молоток не обязательно, — сказал начальник сборки. — Ваше дело — общее руководство и, так сказать, агитационная работа. А тетю Дашу и других, кто не умеет, обучим. Табуретка — не комбайн.

Это показалось директору убедительным.

Назавтра с самого утра план был пущен в ход. Каждому установили норму, а чтобы стимулировать производственный процесс, выдвинули лозунг: собрал свою порцию табуреток — иди домой и с чистой совестью отдыхай.

Егора Зыкина видели то там, то здесь, как полководца в горячей схватке. Повсюду раздавался его зычный голос:

— Давай-давай! Давай, ребята!

Актив был прав. Часам к одиннадцати вечера вредный, как всегда, ОТК принял сто сорок девять единиц продукции. В цехе осталась только тетя Даша. С ворчанием собирала она последнюю табуретку, а около нее маялся Егор Иванович. Он остался, чтобы лично проконтролировать процесс завершения плана.

Перебирая заготовки, тетя Даша говорила с досадой:

— Смотри ты, что напиляли! И вкривь и вкось. То толсто, то тонко. Из цельной горы на одну табуретку

перекладин не подберешь... Может, Егорий Иванович, ты отпустил бы меня?

Егор Иванович, бегая вокруг тети Даши, взывал к ее совести:

— Подумайте что вы говорите, товарищ Харитонов! Где ваша рабочая гордость? Я не вижу с вашей стороны борьбы за честь родного предприятия. Ваша табуретка — это не просто табуретка. Это — ноль целых девять десятых плана. Сейчас план в ваших руках. В ваших руках судьба всего предприятия, честь коллектива! Вдумайтесь — честь!

Но несознательная тетя Даша отвечала:

— Да я эту проклятую табуретку лучше завтра склею.

— Но она в план не войдет! — надрывался директор, хватаясь в панике за голову. — Не то что завтра, сделайте ее нынче ночью, но в ноль часов одну минуту — и наш ОТК поставит на ней дату будущего квартала. И у нас будет наипозорнейший процент — 99,1. Это же не табуретка в ваших руках — это экономический показатель предприятия. Кошмар, она ничего не смыслит в экономике! Вы хоть учебой охвачены?

Тетя Даша помолчала, потом сказала:

— Охвачена. Почитай мне лучше газету, не мельтеши перед глазами. С вашим штурмом газету нынче не видела.

Зыкин побежал за газетой.

— С чего начинать? — спросил он.

— Ты поищи, там должно быть написано, как в жарких странах удав теленка проглотил. По радио, говорят, передавали. Нету про удава? Ладно, надоть сходить поужинать.

— Какой ужин! — опять заметался Зыкин. — У нас времени всего сорок минут! Ах, зачем я отпустил начальника цеха! Пусть руководил бы сам. Я не могу ру-

ководить этой женщиной! Работайте. Я сбегаю на вокзал, в буфет. Принесу покушать.

Он прибежал со свертком.

— Берите. Бутерброд...

Тетя Даша развернула бумажку.

— Это не бутерброд, — возразила она. — Это брак. Булочка разрезана, а в разрезе ничего нету. Незавершенка. И в буфете, небось, штурмовщина. Тоже, вроде нас с тобой, план свертывают...

Егор Иванович, заламывая руки, с тревогой глядел на часы.

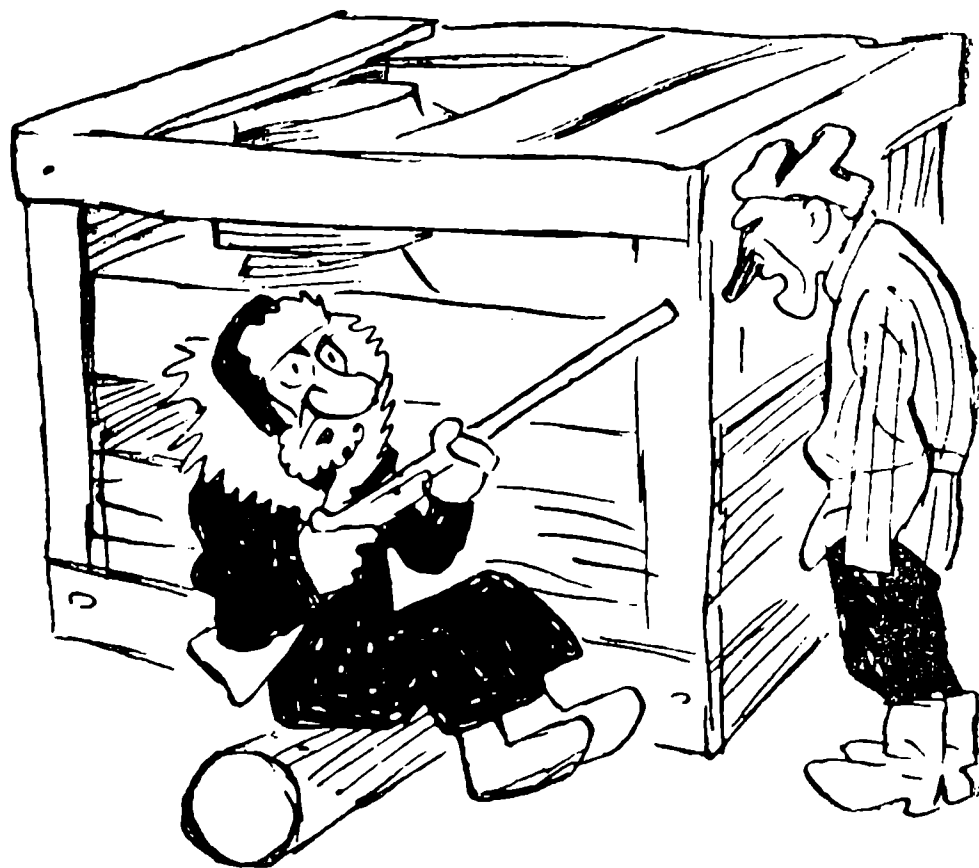
Но всему бывает конец. Тетя Даша поставила готовую табуретку на пол. Егор Иванович, в изнеможении опустившись на нее, вытер платком лоб:

— Идите за ОТК. Он в проходной ждет.

Уже взявшись за ручку двери, тетя Даша услышала сзади грохот. Она оглянулась. Егор Иванович, выпучив глаза, лежал на полу, подмяв собой развалившуюся свежесрубленную табуретку.

Часы били двенадцать...

ДЕД САВЕЛИЙ НА ЧАСАХ

С железнодорожной станции сообщили, что для колхоза прибыл сепаратор. Председатель засуетился:

— Он нам до зарезу нужен! Надо немедленно отправить за ним машину и людей.

— А сколько? — растерянно спросил счетовод. — И где эти свободные люди?

Счетовод поставил председателя в тупик. Во-первых, действительно неизвестно, что собой представляет сепаратор, следовательно, неясно, сколько послать людей, чтобы поднять его на машину. Во-вторых, все люди сейчас заняты. Поэтому решили пока отправить на станцию шофера — определить вес и габариты груза, — а с ним пока и сторожа — на одну ночь. Вещь ценная, еще, чего доброго, украдут.

Выбор пал на деда Савелия. Вооружили его колхозным дробовиком, нарядили в тулуп, пообещали уплатить рубль.

Сепаратором оказалось нечто упакованное в ящик размером с письменный стол.

— Только и всего? — разочаровался дед Савелий. — Скости мне десятка полтора годов, я бы его один на тачке увез. Тут и караулить нечего.

— Нечего... — возразил шофер. — Он тысячи стоит! Нужно самое малое человек пять, чтобы поднять его на машину.

— Так в чем же дело? — недоумевал дед Савелий. — Найдем людей, заплатим им за подмогу по рублю — и айда домой.

Шофер укоризненно посмотрел на деда.

— Помолчал бы, если в экономике не разбираешься. То тебе одному заплатят рубль, а то нужно платить целую пятерку. Сиди, карауль. Завтра людей привезу.

И остался дед Савелий на часах.

Перед ним открылась живописная картина. Вдоль полотна железной дороги тянулись штабеля ящиков, жатки, кучи угля и удобрений, бухты проволоки, дрова и еще множество всякой всячины. Одни ящики источали запах свежего дерева, другие успели посереть от непогоды. Одни машины стояли новенькие, другие покрылись коростой ржавчины.

Начали спускаться сумерки, и дед Савелий заметил: у грузов появились некие загадочные люди. Мужчины и женщины — пожилые и молодые, подростки, и даже старики со старухами. Несколько из них сгруппировались, посоветовались и вдруг начали подступать к деду. А если точнее — к охраняемому объекту.

«Воры? — тревожно подумал старик. — Украдут сепаратор, а он тысячи стоит». И на всякий случай проверил дробовик.

— Кто такой? — спросил один из подошедших. — По какому праву у груза?

— Сторож, — ответил дед Савелий петушиным голосом. — Колхозный сепаратор караулю.

— А-а, — ответил мужчина миролюбиво. — А то личность незнакомая, думали, вор...

Через полчаса дед знал все. Отделившись от соседнего штабеля дров, подошла старуха, села на сепаратор и рассказала занятную историю.

Оказывается, на небольшой станции ежедневно стоит на часах по двадцать-тридцать сторожей. Два штатных сторожа имеет соседний совхоз, три — филиал лесоторгового склада. Мужчина крепкого сложения, лет сорока от роду, получил подряд на охрану грузов сразу от трех организаций: райздравотдела, райпищекомбината и строительного участка. И каждый наниматель платит ему по два с полтиной в сутки. Хорошая работа! В сторожах ходят и три весовщика станции. Днем сидят в своей грузовой конторе, а ночью отсыплются на свежем воздухе. Благо, ночи теплые. Несут вахту уборщица вокзала, два стрелочника и с десятков домохозяек. Даже семидесятилетняя бабушка Матрена, подружка рассказчицы, дежурит у кучи металлолома.

Так как грузы подолгу лежат у насыпи, охрана уже стала постоянной, и словоохотливая старуха хорошо ее знала. Была, однако, и поденная стража, которая менялась довольно часто.

— Вот эти сменщики хуже всего, — сказала старуха в заключение. — Кто их знает, что они за люди. То ли грузы охраняют, то ли воровать приходят. Только ты не беспокойся, твой сепаратор не возьмут — что в нем проку?

И ушла к своему штабелю дров.

Дед Савелий поплотнее завернулся в казенный тулуп, обнял дробовик и, чтобы не заснуть, стал размыш-

лять, во сколько же обходится охрана грузов. Те машины, что покрылись ржавчиной, поди, уже и сами того не стоят, сколько на их охрану затратили...

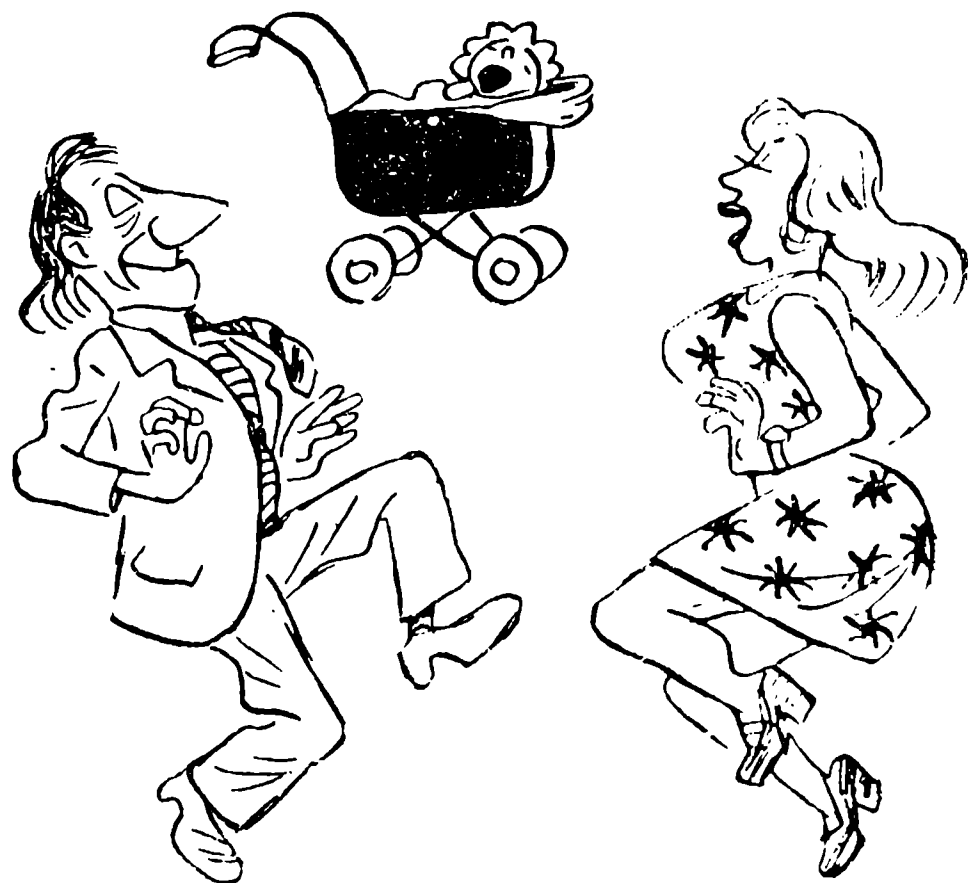
Успокоившись на том, что завтра за ящиком приедут, дед Савелий уснул. Когда он проснулся, было совсем светло. С изумлением дед обнаружил, что дробовика нет. Ящик на месте, а колхозный дробовик пропал. Украли... И до того старику стало обидно, что решил он плюнуть на охрану и пробираться домой. Но потом раздумал: а если все-таки украдут сепаратор? Ведь судить будут.

Ни в тот, ни на следующий день, ни через неделю за сепаратором не приехали. Старуха присылала деду Савелию с оказией продукты.

И дед стоял на страже. Стоял до тех пор, пока ящик не покрылся от непогоды серым налетом и пока однажды душной ночью сменявшие друг друга сторожа не утащили у него тулуп.

Не надеясь более на колхозное правление, дед на собственный страх и риск стал искать машину, чтобы увезти ценный груз домой. И нашел. Даже сам удивился, как все это оказалось просто. Шофер из соседнего колхоза кликнул нескольких человек, взвалили они сепаратор в кузов, и делу конец. И даже бесплатно.

МЕРОПРИЯТИЕ ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА

Так как виновник торжества никакой роли в этом мероприятии не играл, мы сразу забудем о нем и обратимся к главным героям.

Самым главным был начальник управления Кузьма Иванович Круг-Белый. Это видно было как по решительному выражению его лица, так и по месту, которое он занимал за столом. На него нельзя было не обратить внимания, ибо он сам его на себя обращал.

По-хозяйски постучав ножом по графину, Кузьма Иванович сразу оборвал оживленный гул.

— Товарищи! — сказал он хорошо поставленным голосом. — У нас стало доброй традицией встречаться вместе...

Это правда. С некоторых пор в управлении укрепи-

лось мнение, что продвигаться вперед по пути трудовых успехов надо радостно и весело. Надо уметь видеть, черт возьми, вехи на этом пути! А так как все эти вехи — выполнение планов, проводы на пенсию, чествование юбиляров (как сотрудников, так и отдельных предприятий, входящих в сферу управления), а также иные — мелькали довольно часто, то в бухгалтерии то и дело сдвигали в одну линию письменные столы, застилали их газетами и к концу трудового дня начинали коллективную «встречу».

Иногда пускали по кругу шапку. Иногда выписывали кому-нибудь премию. А чаще вручали завхозу бумагу примерно такого содержания: «Директору спирто-водочного объединения. Для проведения совещания хозяйства просим отпустить по безналичному расчету водки «Экстра» емкостью 0,5 л 10 (десять) бутылок».

Безналичный расчет — самый надежный.

— ...И хорошо, — продолжал Кузьма Иванович, — что наряду с мероприятиями общественного, я бы сказал, звучания, мы отмечаем мероприятия личного характера. Скажем, такое, как появление на свет первенца у одного из наших скромных товарищей и его хозяйки, ради чего мы сегодня собрались в этой скромной квартире...

Первенец тем временем посапывал в своих кружевах за закрытой дверью в соседней комнате.

— ...Но прежде чем поздравить счастливых родителей, я бы хотел сообщить собравшимся новость, которая, я думаю, всех обрадует, так как коллектив давно к этому стремился. Только что получена телеграмма. Нам разрешили снять с производства дамские сумочки, как не находящие сбыта, и переключить нашу кожгалантерейную фабрику на производство хомутов, чересседельников и супоней.

Новость встретили бурными аплодисментами.

— Поэтому я предлагаю первый тост за процветание нового для нас производства!

Зазвучали возбужденные голоса, зазвенели вилки, а заместитель начальника Н. Н. Слюдарь попросил присутствующих снова наполнить рюмки.

— То, что сообщил нам Кузьма Иванович, — сказал он, — это большая победа всего нашего коллектива и, конечно, в первую голову самого Кузьмы Ивановича, его энергии, твердости и принципиальности. Прошу выпить за товарища Круг-Белого Кузьму Ивановича!

За Кузьму Ивановича выпили с еще большим энтузиазмом, чем за хомуты, чересседельники и супони.

Потом поднялся прораб по фамилии Дуйдогоры. Вытирая губы бумажной салфеткой, он сообщил еще одну потрясающую новость — на каменном карьере наконец-то установили ту самую камнедробилку, о которой с самого начала руководящей деятельности Кузьмы Ивановича шли разговоры.

Снова грянули аплодисменты. Выпили за камнедробилку. И попутно за начальника. А начальник, закусывая, крикнул:

— Премирую Дуйдогоры месячным окладом!

Выпили за прораба, за его будущую премию и снова за Кузьму Ивановича. Стало совсем весело. Завели проигрыватель, пошли танцы.

Председатель месткома И. С. Котятко отвел Слюдаря в сторону, чтобы посоветоваться:

— Неудобно, вроде, получается. За Кузьму Ивановича пьем, а про его жену забыли. Обидится. А?

— Кто?

— Жена. Да и Кузьма Иванович. И пропал вечер. Но у нас люди какие? Предложи за нее тост — примут за подхалимаж. Пойдут разговоры. Как думаешь?

— Пожалуй, пойдут...

— Может, от имени месткома?

— А что — если от имени месткома, я думаю, не пойдут.

Тост, предложенный от имени месткома, звучал примерно так: дескать, и в управлении, и повыше все считают, что Кузьма Иванович талантливо руководит порученным участком работы, и, конечно же, в огромной мере это зависит от той заботы, которую проявляет о нем супруга. Поэтому общественность, отдавая дань уважения Кузьме Ивановичу, одновременно поднимает бокал...

В общем, получилось очень прилично, всем понравилось, а Кузьма Иванович дружески похлопал жену по спине.

Но особенно обрадовала участников вечеринки начальник планового отдела Лариса Львовна Рыкунова-Ласкалова. Она сообщила, что главк, наконец, утвердил окончательный вариант годового плана, и вариант этот, благодаря принципиальности Кузьмы Ивановича, таков, что наверняка будет перевыполнен, и все могут рассчитывать на премию.

Слова Рыкуновой утонули в аплодисментах, а Круг-Белый из-за спины супруги потрепал Ласкалову по щеке. Затем, переполненный эмоциями, Кузьма Иванович крепко обнял за талию сидевшую рядом молодую хозяйку и голосом волжского бунтаря запел:

Что ж вы, черти, приуныли,
Ну-ка, Гришка, черт, пляши!

И все разом подхватили:

Грянем, братцы, удалую
На помин ее души!

Сослуживцы дружно подключились к пению. И тут в могучий хор ворвался из-за прикрытой двери тоненький детский писк.

— Что это? — с досадой спросил Кузьма Иванович.— Дети? Почему дети?

Жена раздраженно объяснила ему на ухо, что если уж он не умеет пить, как люди, так хоть бы вел себя прилично. Это же плачет новорожденный, ради которого, собственно, и собрались.

— Ах, да, позвольте!

Кузьма Иванович встал из-за стола.

— Поздравляю. Поздравляю счастливых родителей! За новорожденного! Предлагаю тост...

Бросились к графинам, но, увы, они уже были пусты. С личным мероприятием ничего не получилось — оно утонуло в мероприятии общественного звучания.

КАДРОВЫЙ ВОЛК

Когда девушка, ведавшая в тресте кадрами, оказалась вовлеченной в поток «Из канцелярии — на производство», управляющий попросил своего заместителя:

— Поищи по нашим предприятиям хорошего кадровика. Чтоб был настоящий кадровый волк. С масштабом.

Через неделю заместитель привел к управляющему человека средних лет в сером костюме и с серым лицом. Воротник синей рубашки отвернут на воротник пиджака.

— Иван Селиверстович Пименов, — представил его заместитель. — Работал начальником отдела кадров на прессовом заводе. Директор завода дал высокий отзыв о товарище Пименове.

— А на заводе кто остался?

— Директор говорит, технический секретарь займется пока кадрами — по совместительству.

— Я всегда говорил, что директор прессового завода — толковый человек. Ну, товарищ Пименов, будем работать. Нам требуется знающий кадровик. У нас трест, крупная организация. Желаю удачи, товарищ Пименов. Принимайте дела.

— Дела приняты.

Это были первые слова, произнесенные новым начальником отдела кадров. Только тут управляющий заметил, что товарищ Пименов, представляясь, даже не поздоровался с ним. Впечатление было такое, будто заговорил вдруг несгораемый шкаф. Сразу видно — настоящий кадровый волк.

— Мне доложили, что работница, занимавшаяся ведением личных дел сотрудников, отпущена вами, — сказал Пименов.

— Жалко было отпускать. Очень толковый работник. Но, что поделаешь, молодость. Загорелось ей на производство.

— Ее требовалось отдать под суд. Преступная халатность в смысле охраны личных дел. Дела в неполном объеме требуемых сведений. Я подготовлю докладную на предмет привлечения. Разрешите идти?

Проводив взглядом кадровика, управляющий задумчиво посмотрел на заместителя. Потом вздохнул, открыл окно и, снова усаживаясь на свое место, буркнул:

— Ладно, посмотрим...

В следующие дни в канцелярии треста произошли заметные перемены. Дверь, ведущая в отдел кадров, по приказу Пименова была бронирована. Рабочие оббили ее толстым котельным железом. Табличка «Отдел кадров» была заменена другой: «Посторонним вход строго воспрещен».

Открыв эту дверь, человек оказывался в склепе. От-

сюда в кабинет вела еще одна дверь, тоже бронированная. В ней светилось окошечко. Надпись предупреждала: «Вход строго воспрещен». Это уже не только для посторонних, но и для своих. У кого было дело до Ивана Селиверстовича, тот заглядывал в окошечко и видел прежде всего толстую решетку на окне. Где-то внизу и сбоку виднелись бледный нос и шея хозяина блиндажа. В углу стояла огромная несгораемая будка, — ее затаскивала сюда специальная бригада рабочих.

Раньше дверь отдела кадров была весь день распахнута настежь, и в обеденный перерыв сюда собиралась чуть ли не вся бухгалтерия, чтобы выпить чаю с пирожками. Теперь за железной броней стояла глубокая тишина. Проходя мимо страшной таблички, люди почему-то переходили на шепот.

Товарища Пименова сотрудники треста видели два раза в день — утром, когда он лязгал ключами, и вечером, когда коридор наполнялся запахом расплавленного сургуча: Иван Селиверстович опечатывал свой равелин.

Можно было подумать, что новый начальник отдела кадров целыми днями ничего не делает. Сидит за столом и смотрит в потолок. А между тем, он работал.

Однажды главный инженер треста прибежал к управляющему крайне расстроенный:

— Василий Семенович, разъясните, наконец, что у нас происходит!

— Что случилось? — удивился управляющий.

— Вчера вечером встречаю знакомого, и тот меня спрашивает: «Слушай, что у тебя стряслось?» Да ничего, говорю, все нормально. «Рассказывай! — говорит. — Если бы все нормально, зачем бы ваш трест стал запрашивать у нас характеристику на тебя?» Разъясните мне, какую характеристику? Зачем? Что за проверка? Я десять лет работаю в тресте. Зачем потребовалась ха-

рактеристика из учреждения, где я работал десять лет назад?..

— Успокойтесь, голубчик, — сказал управляющий. — Никакой характеристики я не запрашивал. Она мне не нужна. Это, видимо, товарищ Пименов. Наверно, так требуется по инструкции.

— Но вы-то сами находите смысл запрашивать в учреждении отзыв о человеке, которого там давным-давно забыли?

— Еще раз прошу вас, успокойтесь. Так, очевидно, надо. Мне говорили, что это опытный кадровик.

— Черт его знает! Может быть...

И главный инженер ушел. Нельзя сказать, чтобы убежденный, но несколько успокоенный.

Еще более разгневанной влетела начальник производственного отдела, женщина и без того нервная. Она бросила на стол заявление об увольнении.

— Это... Это... Я не знаю... Вызвал к своему окошку и требует, чтобы я написала... заполнила листок... анкету. Но ведь я заполняла ее! Какую еще анкету? Я думала, может, небрежно заполнила. Говорю: давайте я ее перепишу. Оказывается, нет. Это ему надо, чтобы потом сверить с той анкетой, которая уже есть в личном деле. Что за идиотское подсиживание? Я не могу так работать!

Управляющий вытер лоб.

— Хорошо. Я разберусь. А заявление возьмите.

Третьим в этот день был главный бухгалтер. Человек в летах и весьма степенный, он и теперь ничем не проявлял своих эмоций. Просто вынул из конверта письмо, развернул его и протянул управляющему.

«Ну что, подлец, и до тебя дошла очередь? Влип? Я тебя предупреждал: ты меня еще попомнишь. Авилов», — прочитал управляющий и молча посмотрел на бухгалтера.

— Слухи у нас ходят, — вздохнул тот, — будто новый начальник отдела кадров собирает о сотрудниках сведения — в тех учреждениях, где они когда-то работали. Ну вот. С этим Авиловым я начинал, так сказать, трудовой путь. Еще до войны. Сбытовиком он у нас был. Жулик отпетый. Судили его. Дали, кажется, лет пятнадцать. Это я вам, так сказать, для сведения.

...Товарищ Пименов предстал перед управляющим, как тень. Что-то вроде серого облака. Из ворота синей рубашки торчала бледная шея.

— Что за сведения вы собираете о сотрудниках? — сухо спросил управляющий.

— Характеристики с последнего места работы.

Управляющий всем корпусом подался к собеседнику.

— Зачем?!

— Положено, чтобы в личном деле была характеристика с последнего места работы.

— Но это место работы, — загремел управляющий, — некоторые оставили пятнадцать, а то и двадцать лет назад!

— Положено, чтобы была характеристика.

Управляющий с ужасом почувствовал, что не знает, как говорить с этим человеком. Он замолчал. И вдруг на лице кадровика появилось нечто вроде улыбки.

— Вы напрасно горячитесь, товарищ управляющий. Мы свое дело знаем. У бухгалтера есть основания нервничать. Пожалуйста, полюбуйтесь.

Это была характеристика с последнего места работы. С того места, где он служил до войны.

«На ваш № 24/35-08 сообщаем: бухгалтер тов. Черемисин В. А. работал в нашей системе с 1939 по 1941 г. Уволен в связи с призывом в армию. Компрометирующих документов в архиве не сохранилось. По отзывам близко знавшего его ныне пенсионера тов. Авилова И. Т., привлекался к ответственности за злоупотребления».

— Ваш заместитель, — сказал Пименов, — тоже вызывает подозрения.

— Заместитель? Да он приехал к нам прямо из института!

— Институт и был запрошен.

Управляющего охватил ужас.

— Что же вам сообщили?

— Он отказался от места в Москве и изъявил желание быть направленным на периферию. Изъявил! Вам не кажется странным — почему?

Управляющий не находил слов.

— Удивляюсь, как вы не додумались запросить характеристику на меня.

Начальник отдела кадров обиделся:

— Характеристика на вас давно получена. Только показать ее вам я не имею права. По вашей подчиненности ее может затребовать только министерство.

Гранитная личность. Столп...

На Василия Семеновича нашло отупение.

— Для чего все это вы собираете?

Товарищ Пименов смотрел на управляющего и, казалось, не понимал его.

— Ладно, идите.

Пригласив заместителя, Василий Семенович устало сказал:

— Позвони на прессовый завод и передай директору, что я его выгоню. С треском! За обман.

— Его, наверно, Пименов запугал.

— Значит, за обман и за трусость!

Беседу прервал телефонный звонок. Звонили из главка.

— Какое оборудование? — кричал управляющий в трубку. — А, это... Вчера еще отгрузили... Ну конечно... Слушай, ты говорил, у тебя нет кадровика. Есть у меня замечательный кадровик. С масштабом. Не пожалеешь.

Принципиальный, исполнительный. Мы? Обойдемся, по-
дыщем другого. Согласен? Хорошо.

Повесив трубку, управляющий облегченно вздохнул
и сказал заместителю:

— Напиши на этого характеристику. Я подпишу. Вы-
двинем его в главк.

НА ЧАШКУ ЧАЯ

Смешно было бы думать, что бухгалтер Илья Амвросиевич симпатизировал шоферу Лабутину. Нет, ни сочувствия, ни симпатии бухгалтер к нему не питал. Но не мог же он на этом собрании не высказать своего мнения. Он всегда высказывал свое мнение.

Когда с десятков человек уже сидели на своих местах с красными от гневных выступлений лицами, слова потребовал Илья Амвросиевич.

Он пробирался к столу президиума, а вслед ему раздался густой бас:

— Сейчас начнет! Про свое мнение.

Председатель постучал карандашом по стакану. Бухгалтер повернулся и сказал:

— Да, начну. Да, скажу свое мнение. Судим мы товарища Лабутина. Судим. За то, что товарищ Лабутин, отбывши срок и вернувшись к честной трудовой жизни, вытащил у гражданки-пенсионерки купюру в десять рублей. Но тут я должен сказать, какие бывают пенсионерки. Иная свою десятку нарочно положит на видное место, чтобы соблазнить человека... И я спрашиваю: можно ли после этого обвинять товарища Лабутина?

Собрание ахнуло. Лицо участкового уполномоченного, докладывавшего собранию суть дела, стало кирпичным. Даже Лабутин оживился. А бас заметил:

— Вот оно, какое мнение...

Председатель снова постучал по стакану. Оратор продолжал:

— И вот мы публично разбираем. Хорошо! А почему бы кому-нибудь не пригласить товарища Лабутина к себе домой и за чашкой чая с ним не побеседовать? Почему обязательно официально разбирать?

Лабутин глядел на оратора с радостным удивлением. Участковый окончательно растерялся:

— Граждане, это как же получается?..

Под звон председательского стакана женский голос выкрикнул:

— А почему бы тебе самому не пригласить? Пригласи!

Илью Амвросиевича несло:

— По-ожалуйста!.. — Он сделал жест рукой и осекся. — Собственно, не обязательно мне. Я в принципе ставлю вопрос...

...Вечером, когда бухгалтер собирался с супругой ужинать, в дверь постучали.

— Можно? — спросил Лабутин, просовывая голову в комнату.

Илье Амвросиевичу сразу стало нехорошо. Он с великим трудом соорудил улыбку, но приглашать гостя не

стал. Понадеялся, что тот поблагодарит его за выступление и удалится. Однако подшефный не поблагодарил и не уходил. Он постоял у порога, потом вытер ноги о половик и подсел к столу.

— Хорошая у вас квартира, — сказал он, оглядывая потолок.

Стало ясно: придется с ним ужинать.

Выпили. Закусили. Еще раз выпили. Похрустывая соленым огурцом, Лабутин заговорил:

— Вы это правильно сказали: может, она, старая стерва, нарочно десятку положила на видное место. Потому как соблазнить трудящего человека...

Илья Амвросиевич опять скривился, с остервенением пережевывая закуску. Улыбка никак не получалась.

— Я еще тогда подумал, — продолжал гость, вытирая губы краем скатерти, — что она нарочно положила...

Лабутин сам налил себе полный стакан водки и выпил.

— Как ты думаешь? — он оловянно поглядел на хозяина. — Нарочно? А? Трудящему человеку...

И вдруг крикнул:

— Или и ты, падла, против трудящего человека?!

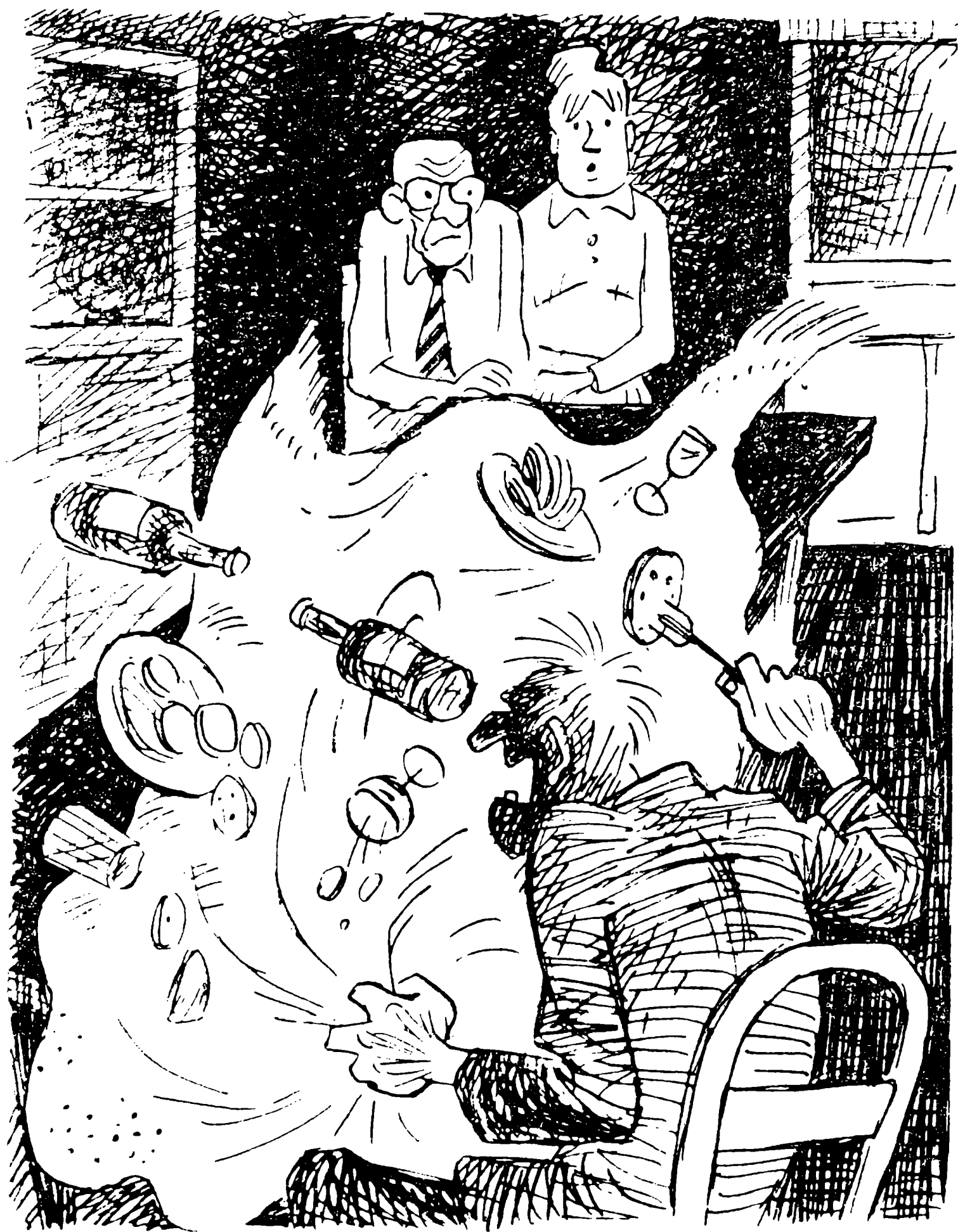
Вслед за этими словами гость скомкал скатерть в руке и рванул ее на себя. У Ильи Амвросиевича сделалось холодно в животе. Наконец-то на его лице появилась искренняя улыбка.

— Нет-нет! Нарочно... Я всегда говорил и сейчас говорю: нарочно положила... Э-э, десятку...

— Нарочно... А может, и не нарочно? Тебе-то откуда знать? Тля!

Гостя выпроводили с великим трудом. Уже все двери были на запорах, уже супруга, наплакавшись, легла спать, а у Ильи Амвросиевича все еще дрожали руки.

«Трудящий гражданин» оказался на редкость компанейским человеком. Он пришел и на другой вечер.

Только теперь Илья Амвросиевич был умнее. Как только раздался стук в дверь, он торопливо крикнул:

— Нельзя, нельзя! Мы спим!

И бросился задвигать засов. Но Лабутин уже стоял на пороге.

— Знал бы, что ты так встречаешь гостей, не пошел бы к тебе.

— Вот и хорошо. Узнал, и ладно. Иди себе. Нечего ко мне ходить.

Усевшись верхом на табурет и навалившись грудью на стол, гость прищурился:

— А на чай кто звал? Или ты измываешься надо мной? На смех выставляешь? Ну, ладно. Не будем ругаться. Давай выпьем.

На Илью Амвросиевича вдруг нашло буйство, как на зайца храбрость. Он завизжал, схватил шляпу и выско-чил за дверь.

Через несколько минут бухгалтер вернулся с тем самым участковым уполномоченным, который представил-ся на собрании.

— Полюбуйтесь!

— Гражданин... — сказал участковый.

— А я ничего, гражданин начальник. Зашел вот, потому как был приглашен на чай.

— Кто тебя звал? Кто тебя звал? — закричал бухгалтер.

— Ну, насчет «звал», — сказал уполномоченный, — это все слышали. Нехорошо, гражданин Худяков. Сами зовете человека в гости, а потом бежите за сотрудником милиции. Не ожидал от вас.

И ушел.

Неуютно почувствовал себя в собственной квартире Илья Амвросиевич. Нет, не всегда в своем доме стены помогают... Услышав зубовный скрежет за столом, хозяин торопливо командировал жену за поллитровкой.

Потом они стояли у плиты с вытянувшимися от ожи-

дания лицами, а гость громко и медленно глотал водку. Чем больше он пил, тем сильнее сопел. И главное, говорил неприятности.

Илья Амвросиевич потерял покой. Утром, протирая стекла очков и проверяя чистоту их на свет, он уже не выражал, как обычно, свою точку зрения на разные события современности. Он только вздыхал. И никто не догадывался, какая ужасная жизнь началась для бухгалтера. А сказать нельзя. Засмеют...

С работы он почти бежал. Запыхавшись, влетел в дом, тотчас закрыл двери на засов и стал с ужасом ждать гостя. И он, конечно, пришел. Рванул дверь, убедился, что она на запоре, постоял. Рванул еще.

— Хорош хозяин, — донеслось до притихших Худяковых. — Сам зовет на чай, а сам запирается. Открой, что ль! Ты, очкастый!

Худяков, притаившись, молчал. Наконец, слышались удаляющиеся шаги.

— Ушел... — впервые за эти дни с радостью сказал Илья Амвросиевич.

Он потихоньку отодвинул засов — проверить, закрыл ли гость калитку, и... в приоткрывшуюся дверь тут же просунулась нога в грубом сапоге. Вслед за сапогом, несмотря на отчаянные усилия хозяина, в квартире оказался весь Лабутин.

— Вообще-то, — сказал он, — надо бы тебя за такое измышательство как следует проучить. Да времени нет. Давай пятерку, там меня дружок дожидается.

— Нету у меня, товарищ Лабутин. Всего рубль остался.

— Это чтоб у бухгалтера денег не было? Ха! Кто тебе поверит? Гони, говорю, быстро!

— Нюта, сбегай к соседям...

Подбивая баланс, Илья Амвросиевич усиленно искал выход из создавшегося положения. Искал и в обеден-

ный перерыв, машинально хлебая борщ. К вечеру его осенило. Вернувшись домой, он запер дверь снаружи на замок, а сам, оглядываясь по сторонам, влез в комнату через окно. Гость увидит замок и подумает, что Худяковых нет дома.

И вот Илья Амвросиевич услышал, как за дверью с грохотом ударили по замку. Притаившись у темного окна, он глядел во двор, ожидая, когда шофер пойдет к калитке. Вдруг прямо перед его глазами вспыхнул ослепительный свет. Это гость включил электрический фонарик и глядел через окно.

Пригнувшись, Илья Амвросиевич по-заячьи побежал из комнаты в кухню. Но Лабутин успел увидеть его. Стало слышно, как в замок вставляют отмычку.

...На другой день Худяков на работу не явился. По заготконторе прошел слух, будто он бежал из города. Послали к нему домой, и заплаканная жена сказала, что уехал неизвестно куда.

А через неделю, потихоньку собрав вещички, уехала из города и она.

Илья Амвросиевич устроился на работу в отдаленном райцентре. Ему дали квартиру. Радостный и помолодевший встретил он на вокзале Анюту. Вечером они сидели за столом, празднуя свое избавление.

Приободрившийся бухгалтер уже начал развивать свои особые мнения относительно нового начальства, как вдруг дверь без стука отворилась.

— Ничего себе, — сказал Лабутин, опуская чемодан, — красиво поступил: молчком уехал, а меня бросил. Имей в виду, за такие измышательства по головке не гладят...

ЗАБОРЫ И ЛЮДИ

Беседу с товарищем Безуглым секретарь райкома Федор Федорович закончил так:

— Только не увлекайтесь заборами. Как ваш предшественник. Тот все заборы строил. В одном месте огорождает площадку, глядишь — уже в другом огораживает. Весь район обнес заборами. И ничего, кроме них, не построил. А насчет бани имейте в виду: сам буду контролировать. Чтоб где-то к лету мы с вами уже в ней мылись. Действуйте.

— Все понятно, — сказал Безуглый.

И начал действовать. Поскольку морозы уже сковали землю, в райцентре задымили цыганские костры: строители оттаивали грунт под фундамент. Потом пришел экскаватор и, приседая от напряжения на задние колеса, начал рыть котлован.

Как раз в это время начальника стройучастка вызвал секретарь райисполкома Баранчик.

— Не с того начинаете, товарищ Безуглый, — сказал он. — Я только что из Грачевки. Правильно там возмущаются. Почему мы дальше райцентра не идем? Я имею в виду — в смысле строительства. Ну хотя бы та же баня. Что это — объект первостепенной важности? Чего вы всех людей бросили на баню? Кто? Ну, знаете, вы на авторитеты не кивайте. Федор Федорович не мог вам сказать, чтоб вы все свои силы бросили именно на баню. Вы это бросьте, Безуглый. Указания директивных товарищей нужно понимать с умом. Надо село поднимать, Безуглый! Грачевскому колхозу позарез нужны детские ясли. Посылайте часть людей в Грачевку. Вот так.

Безуглый вышел понурившись. Придется на ходу перестраиваться...

Недостроенную баню обнесли забором, чтоб не растащили стройматериалы.

В Грачевке строители снова начали с костров. Но когда на пепелище приполз уже экскаватор, начальника стройучастка вызвал заместитель председателя райисполкома Листопадов.

— Есть жалоба из Овсюговки, — сказал он хмуро. — Не понимаю, кому это пришло в голову строить в первую очередь ясли в Грачевке? Почему не общежитие в Овсюговке? Во-первых, у них показатели выше. Во-вторых, Овсюговка — большое село. Совхоз. Там молодежи много. Это надо понимать, товарищ Безуглый. Баранчик? Баранчик отдает распоряжения? Да вы что! Ладно, я отменяю распоряжение Баранчика. Понятно? Все! Посылайте людей в Овсюговку.

В то время как строители ставили забор в Грачевке, Безуглый объяснялся с председателем райисполкома Сергеем Сергеевичем.

— Это, конечно, хорошо, что мы перенесли центр тяжести из райцентра на село, в глубинку, — неторопливо говорил председатель, похаживая по кабинету: так лучше думалось. — Но почему, товарищ Безуглый, в Овсюговку? Тут у вас неувязка. Тут у вас прокол в работе. Думать надо! Вчера на исполкоме правильно говорил председатель Глинковского сельсовета. Мы Овсюговку и так не обижаем. А Глинки постоянно забываем. Они второй год ждут, когда им построят служебное помещение. Люди должны работать в нормальных условиях. А как же! Ладно, ладно, не будем оправдываться, товарищ Безуглый. Будем исправлять положение.

Поближе к лету, то есть к тому времени, когда намечалась первая помывка в бане, с Безуглым беседовал помощник Федора Федоровича — Огнев.

— Достукались! Попали в областную прессу. Читали насчет Кругловки? Вот тебе раз, даже газет не читаете! Чего это вы в Глинках затеяли?.. Ну, пошел оправдываться. Оправдываться все вы мастера. Давай посылай людей в Кругловку. Кругловцы правильно пишут: обходите их стороной. Люди не дождутся, когда у них будет свой клуб. Попадется заметка на глаза Федору Федоровичу — не знаю, что будет...

После строительства забора в Глинках и перебазировки техники и стройматериалов в Кругловку с Безуглым снова беседовал Федор Федорович.

— Ну вот, — говорил он. — Один заборы строил, теперь другой строит. Специалисты по заборам. Имейте в виду — снимем вас с работы. Такой пустяк — баню — целый год строите!

В тот же день Безуглый распорядился спешно собрать со всех стройплощадок района материалы, технику и всеми силами навалиться на баню, а немного погодя стоял перед товарищем Баранчиком.

— Сегодня звонил грачевский председатель. Опять

вы безобразничают. Почему прекратили строительство в Грачевке? Там уже ваш забор растаскивают. Завтра же посылайте людей в Грачевку. Я буду ставить вопрос о вашей персональной недисциплинированности!

Поздно вечером Безуглого видели в сильной печали. Он возвращался домой из чайной с портфелем подмышкой, всхлипывая и цепляясь за почерневший забор будущей бани.

ПО КУЛЬТУРНОЙ НАДОБНОСТИ

Уж небо осенью дышало.

Председатель Покровского райисполкома Д. И. Милованов пробежал глазами поступивший из области запрос о ходе месячника культпросветработы и сокрушенно покачал головой. «Недооцениваем! Увлекаемся хозяйством и забываем о культуре. Нехорошо».

И председатель решил лично проехать по селам, посмотреть, как идет месячник, и оказать практическую помощь.

Первую остановку Дмитрий Иванович сделал в селе Желтоногове. И сразу — в библиотеку. И сразу натолкнулся на председателя сельсовета. Вместе с библиотекаршей тот снимал со стеллажей книги, складывал в аккуратные стопки и перевязывал шпагатом.

— Светлая голова ты, Микрюков! — обрадовался председатель райисполкома. — Работаешь с книгой без напоминаний.

— Ждать напоминаний больше некуда, Дмитрий Иванович. Поджало.

— Еще бы! Половина месячника уже прошла.

— Мы у себя объявили декадник.

— Декадник так декадник. Но ты хоть бы помощников нашел. Книгонош. Где ж вам вдвоем столько книг по домам разнести!

— Зачем по домам? Мы их в сельсовете сложим.

— Как — в сельсовете?

— Я ж вам говорю: объявили декадник по картошке. Картошку закупаем. Вот тут ее и свалим, в библиотеке.

— Пстой, а где вы в прошлом году сваливали?

— В клубе. С вашего же разрешения.

— Так свалите ее и сейчас в клубе.

— Там лежит еще прошлогодняя. Нельзя новую с ней смешивать: сгниет.

Милованов задумался. Конечно, книга — книгой, но и картошку надо заготовлять. И за картошку с председателя райисполкома спросят поостроже, чем за книгу...

— А в сельсовете-то место для книг найдется?

— Сколько угодно! Да сами можете посмотреть.

Прошли в сельсовет. Комнатушка метров в десять, отгорожена от председательского кабинета фанерой. Можно поставить шкаф для книг, стол и стул для библиотекаря, и еще для одного читателя место останется.

— Гм... — сказал товарищ Милованов.

— Вы не беспокойтесь, — успокоил его товарищ Микрюков. — Тут свободно разместятся сотни две классиков.

Товарищ Милованов спешил в другие села, и поэтому у него не хватило времени, чтобы потребовать у желтоноговского председателя отчета: как тот допустил,

что от прошлогодней картошки не очистили помещение клуба. Он только сказал:

— Ладно, сваливай пока картошку в библиотеку. А насчет книги все-таки не забывай. Ее надо продвигать. Пора, брат, вплотную заняться культурой!

— А как же, понимаем, Дмитрий Иванович.

В Успеновке товарищ Милованов подъехал к колхозному клубу в тот момент, когда трое рабочих затаскивали туда пузатый сепаратор. В зрительном зале шло тяжелое объяснение между председателем местного колхоза и заведующей клубом.

— Товарищи! — удивился Дмитрий Иванович. — В культурном учреждении — и такое бескультурье. И когда — в период месячника!

— В культурном учреждении... — всхлипнула заведующая. — Он вот занимает культурное учреждение под сепараторный пункт.

— Как — под сепараторный пункт? Не понимаю вас, товарищ Птушков.

— Ну как же, Дмитрий Иванович. Оборудование прислали, а помещение сепараторной не достроили: переманили соседи строителей, чтоб им... Один выход — занять клуб. Не стоять же оборудованию.

— М-да, простаивать оборудованию нельзя. Это будет не по-государственному... Но и про культуру, товарищ Птушков, забывать нельзя. Вот так. Клуб, видимо, пока придется занять, а культурой надо вплотную... Так что — действуй!

Председатель рабочкома Рогачевского совхоза Полуянов был в красном уголке молочнотоварной фермы. Он помогал зоотехнику снимать со стены графики надоя и привеса, плакаты и обязательства.

— Как с картошкой? — поинтересовался Милованов.

— Копаем понемногу, — ответил Полуянов.

— Надо форсировать. Месячником культуры, вижу,

занимаешься вплотную. Надо заниматься, брат. Продвигать. Ну, будь здоров.

Председатель райисполкома собрался было уже ехать дальше, как вдруг спохватился:

— А новую-то наглядную агитацию приготовили? Взамен той, что снимаете?

— Да ее, новую, Дмитрий Иванович, пока вешать некуда. Прогнила крыша на профилактории, протекает. Стихия, так сказать. Вот маракуем пока определить телят сюда, в красный уголок.

— Гм, сюда...

Много забот у председателя райисполкома. Поехал вот по культурной надобности, а приходится заниматься и картошкой, и молоком, и телятами...

— Раз стихия — определяй, — сказал он, — за телят с нас спросят по всей строгости.

Потом, правда, спохватился:

— А как же быть с культурой?

— О культуре не беспокойтесь. Никуда не денется.

— Да-да, не забывай продвигать!..

ЧЕЛОВЕК С НАГРУЗКОЙ

9.27. Столько было на часах, когда открылась конторка, представляющая собой будку, сколоченную из фанерных щитов. В пролете двери показалась фигура мастера. Он подавал сигналы.

Если мастер семафорит, токарь Петро Смирных знает — его опять приглашают к телефону. Потому что он активист. Он облечен доверием. У него общественные нагрузки.

Вытирая паклей руки, Петро протиснулся боком мимо мастера.

— Работать невозможно... — буркнул он и швырнул паклю на табурет.

Мастер ответил ему тяжелым вздохом.

Звонили из заводского комитета ВЛКСМ. Просили

сию же минуту явиться, представить сведения о движении членов первичной цеховой организации, которую Смирных возглавляет.

— Может, вечером? — спросил Петро.

— Какое вечером! — закричали на другом конце провода. — Какое вечером, когда горком требует немедленно!

Токарь вопросительно посмотрел на мастера. И тот снова тяжело вздохнул: мол, надо — значит надо, ничего не попишешь, нагрузка...

12.31. Огромный пролет токарного цеха полон шума. Работают станки. Но Петро хорошо научился отличать в этом шуме стук лакированных каблучков по бетонному полу. В рабочее время так могла ходить только секретарша директора.

— Смирных, к директору!

Он шел следом за ней, снова вытирая паклей руки.

— Зачем?

— Ты же у нас в НОТ?

— Ну?

— Ну! Забыл? План утверждать.

Остановившись у директорского стола, Петро спросил с раздражением:

— Иван Семенович! А когда работать?

Не отрываясь от бумаг, директор неопределенно ответил:

— И это надо... — Потом поднял голову и твердо сказал: — Работать надо, Смирных. А теперь садись. Мы тоже не бездельничаем.

16.00. Последним мероприятием, на котором без Петра Смирных в этот день не могли обойтись, была городская конференция общества охраны природы. Как активиста, заводские любители природы избрали его делегатом. Приготовившись со вниманием слушать доклад, он вспомнил (его прямо как током ударило!),

что конференция — еще не последнее мероприятие. На 16.00 назначено было еще заседание завкома. Его вызывали, а он — забыл...

Протиснувшись к выходу, Петро бросился к автобусу. Как назло, дверцы захлопнулись прямо перед его носом. Сгоряча он целую остановку бежал следом, вдыхая противный бензиновый перегар.

Когда он, запыхавшись, вбежал, наконец, на заседание, председатель сурово посмотрел на него:

— Полюбуйтесь. Активист! На завкоме стоит вопрос специально о нем, а он опаздывает. Дисциплинка... На производстве уже норму не выполняет. А ему товарищи оказывают доверие. Избирают. Рекомендуют...

Председатель говорил долго. И все было правдой. Председателя поддержал спортсектор завкома — широкоплечий, физкультурного вида мужчина, — он же инспектор по кадрам.

— Правильно, — сказал он. — И то, что сегодня не выполнил норму, тоже правильно. Но это еще не все. И не это главное, товарищи. Главное в другом. Не болеет Смирных за честь своего рабочего коллектива. Каждый год бьют нас на спартакиаде, потому что не можем выставить «длинных» бегунов. А между прочим, у Смирных как раз талант на длинные дистанции. Сам только что видел, как он бежал за автобусом. И не только я — весь автобус глядел. А он, видите ли, помалкивает. Как активист, сам должен был прийти и охватиться спортсекцией! Я так, товарищи, думаю — он осознал, и я его записываю. Завтра, Смирных, с обеда — на тренировку. Не беспокойся, дирекция отпустит. Никогда прохлаждаться. Надо наверстывать. Спартакиада на носу!

У Петра рвалась из груди наболевшая речь. Но потому что была она наболевшая, он волновался и только выкрикнул:

— Норма? Какая норма, когда одни заседания... Хватит! Никаких бегов! Никаких спартакиад!

— Стоп! — воскликнул, выбросив вперед руку, культсектор завкома. — Как вы сказали?

— Я сказал: никаких бегов!

Культсектор подошел к Петру, откинул голову и, протянув руку, попросил:

— Скажите: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»

Петро остолбенел:

— Какая Дездемона?

— Отлично! Посмотрите, какая у него мимика! Вы будете играть Отелло. — И, повернувшись к членам завкома, укоризненно развел руками: — Не понимаю. С такими данными — и не охвачен драмработой. А числится, между прочим, в активистах... Еще, наверно, и комсомолец.

...18.02. Такое время показывали часы, когда на плечи ошалевшего активиста Петра Смирных взвалили еще две нагрузки.

СВОЙ ГРИВЕННИК БЛИЖЕ К ТЕЛУ

С управляющим стройтрестом К. Г. Звягиным стряслась беда: у него украли гривенник. Нахально. Зашел он в магазин купить спичек, сунул руку в карман — пусто. А что гривенник был, Кондрат Гаврилович отлично помнит, потому что, отправляясь на работу, проверил, на месте ли монета.

И такая обида взяла управляющего! На чем свет стоит костерил он и конкретного носителя пережитков прошлого, забравшегося к нему в карман, и милицию, проворонившую момент кражи, а заодно и общественные организации, которые не перевоспитали вора.

Потерпевший обдумывал мероприятия, которые предупредили бы в дальнейшем повторение подобных эксцессов. Может быть, думал он, попросить жену, чтобы

она пришила на карманах застёжки — «молнии»? Или прорезать петли и купить портативные висячие замки? А то, может, сделать потайные крючки?..

Когда управляющий переступил порог своей конторы, он решил поделиться своим возмущением с сослуживцами.

Один из них заметил:

— Гривенник — это что... Вы, Кондрат Гаврилович, еще не знаете про настоящую кражу.

У Звягина перехватило дыхание:

— Что — жена звонила? Дом обокрали?

— Только не надо расстраиваться. Не ваш дом. Объект.

Кондрату Гавриловичу сразу стало легче.

— Ну, объект — это дело милиции. Наша забота — план выполнять, а ловить воров они должны.

Кража произошла на стройплощадке школы-интерната. Ночью вору утянули 8 электросчетчиков, 23 радиатора центрального отопления, 180 метров трехжильного кабеля. И еще прихватили мотор внутреннего сгорания от водяного насоса.

Заактивировав этот прискорбный факт, горотдел милиции сделал управляющему стройтрестом следующее представление:

«Выездом на место установлено, что на строительстве школы-интерната наличествует явная бесхозяйственность. Находящиеся на территории стройплощадки стекло, большое количество цемента, электрокухни, водопроводные трубы, батареи центрального отопления и т. п. никем не охраняются. Через строительную площадку круглые сутки беспрепятственно проходят посторонние граждане и проезжают автомашины».

Так что получалось, что воров еще благодарить надо. Будь грабители порасторопнее, они бы не ограничились счетчиками, электрокабелем и мотором внутрен-

него сгорания к водяному насосу. Они могли прихватить заодно и весь насос, и водопроводные трубы, а может, даже котел центрального отопления вместе с дымовой трубой.

Украли же они у треста целую железную дорогу! Да, да. Когда-то трест проложил железнодорожную ветку к своему кирпичному заводу. Половину пути комиссия приняла, а остальное отказалась принять—обнаружились недоделки. И в тресте забыли о своей ветке. Вспомнили о ней буквально на днях, и выяснилось, что украдены и рельсы, и шпалы. Осталась одна насыпь. Хорошо еще, что не оказалось паровоза, а то прихватили бы и его.

Конечно, паровоз — штука громоздкая, но завод железобетонных конструкций был потяжелее, а ведь тоже «увели»! И Звягин не хватился бы того завода по сей день, если бы о нем не вспомнили в облжилстрое.

— Послушай, Кондрат Гаврилович, — сказали ему, — чего ради, скажи, мы заказываем железобетонные конструкции для твоихстроек облпромстрою? У тебя ведь свой завод есть.

Управляющий был поражен:

— Свой? Товарищи, откуда?

— Как же — из твоего отчета. Два года, как построен.

И Кондрат Гаврилович прикусил язык. Он вспомнил, что два года назад трест действительно получил оборудование для завода. Собирались к концу года пустить его и заранее, авансом, послали в облжилстрой отчет, что завод, дескать, построен. Чтобы свести финансовые концы с концами. Концы с концами свели, а про оборудование забыли.

Вернувшись тогда из жилстроя, Кондрат Гаврилович срочно мобилизовал отдел снабжения. Во главе с заведующим, под его тихую, но бешеную ругань, сотрудники пойдя обшаривали пустырь, где некогда было сва-

лено злополучное оборудование. Увы, поисковая группа ничего не нашла. Завод растащили до последнего винтика.

За время пребывания у кормила треста Кондрату Гавриловичу примелькались дыры и пролазы в заборах строящихся объектов, фигуры обоего пола, проникающие через эти пролазы с украденными материальными ценностями, и он перестал обращать на них внимание. В тресте тащат все, что плохо лежит. И групповым методом, и в индивидуальном порядке. Надо полагать, не один особняк появился в городе из трестовских материалов.

Сначала крали только посторонние, потом начали и свои. Не так давно в городском суде полмесяца шел процесс, на котором давали показания семнадцать работников треста. Целый воровской коллектив образовался, и суд отметил: чтобы вырос такой отменный букет чертополоха, в тресте имелась хорошо унавоженная почва — бесконтрольность и бесхозяйственность.

Это — с одной стороны. А с другой — вор нынче пошел нахальный. Не гнушается ничем — ни заводом, ни гривенником.

Кстати, о гривеннике. Хоть гривенник и небольшие деньги, — он свой, родной. Кровный, так сказать. Его заработать надо. Сегодня украли гривенник, завтра гривенник... Этак не напасешься. Если мазурики каждый день будут залезать в твой карман, то и работать станет неинтересно...

Кондрата Гавриловича оторвал от его невеселых дум заместитель.

— Надо какие-то меры принимать против воров, — сказал он, тяжело опускаясь в кресло.

— Ты знаешь, я сам об этом думаю, — оживился управляющий. — Может, пришить к карманам застёжки — «молнии»? А? Поможет? Как думаешь?

ЗАВМАГА УКРАЛИ

В комнату дежурного милиции вбежала запыхавшаяся женщина. Из-под шали виднелись бигуди, а из-под пальто — край длинного цветастого халата. Ясно—прямо из постели. В первую минуту ничего не могли понять. Потом выяснилось следующее.

Ее разбудил стук в окно. Сначала она решила, что хулиганят подростки. Но когда стук повторился, встревожилась и разбудила мужа.

— Мальчишки дурачатся, — сказал муж.

И тут постучали в третий раз. Муж зажег свет. Было три часа ночи. Вряд ли в такое время подростки шатаются по улицам.

— Может, телеграмма? — сказал муж и, накинув пальто, пошел открывать дверь.

Лежа в постели, она услышала в прихожей голоса. О чем шла речь, разобрать было трудно... Сперва говорили спокойно. Потом муж начал возмущаться. И, наконец, закричал. Но закричал сдавленным голосом: ему, видимо, зажали рот. И смолк.

Испугавшись, она выскочила в переднюю. Там никого не было. Выбежала на крыльцо и видит ужасную картину: двое мужчин, оба в пальто с поднятыми воротниками, ведут ее мужа под руки к калитке...

Она бросилась домой, наспех оделась, выскочила на улицу, чтобы позвать на помощь. Однако тех, с поднятыми воротниками, и след простыл. Даже не видела, в какую сторону повели мужа. Снег вон как метет: в трех шагах ничего не разглядишь.

— Они убьют его! — волновалась женщина. — Я знаю, они убьют его!

— Успокойтесь, гражданка, — сказал дежурный. — Сейчас все выясним. Сидоров, бери наряд, проводника с собакой и давай на место происшествия!

Дежурный придвинул лист бумаги, чтобы составить протокол.

— Где работает ваш муж?

— Завмаг он. Господи, сколько раз ему говорила, брось эту проклятую торговлю...

— Подождите. У вас есть какие-нибудь подозрения? Кто, по-вашему, мог его увести? Вспомните, может, ваш муж был с кем-нибудь в ссоре?

— Что вы! — Женщина даже перестала плакать. — Павел Павлович мухи не обидит. А если его самого обидят, так промолчит. Он в жизни никогда ни с кем не ссорился. Сколько раз директор торгового дома говорил ему: нужно уволить некоторых из магазина. А он все тянет. Ему всех жалко. Слабохарактерный.

Дежурный ломал себе голову над этим происшествием. Магазины обкрадывали, это случалось. Но чтоб украли самого завмага — в его практике еще такого не было. Кто это мог сделать, по каким мотивам? Видимо, это все же не его сослуживцы. Не станут же похищать человека люди, которым он делает добро.

В то же время налицо насильственное похищение человека. Именно насильственное — ведь пострадавший сопротивлялся. Это вытекает из показаний свидетельницы о сдавленном крике похищенного. Если бы он ушел по доброму желанию или по предварительному сговору, то, конечно же, не кричал бы сдавленным голосом. И уж во всяком случае постарался бы предупредить о своем уходе жену. Хотя бы для того, чтобы она не поднимала панику.

Цепь дедуктивных размышлений дежурного прервал возвратившийся наряд.

— Обследовали все прилегающие к месту происшествия кварталы, — доложил Сидоров. — Никаких следов. Да и какие теперь могут быть следы? Посмотрите, что творится. Только шаг сделал — и тут же след замело.

Женщина снова ударилась в слезы.

— Успокойтесь, гражданка, — сказал дежурный. — Еще ничего неизвестно. Сидоров, возьмите машину, привезите директора торгового. Может, тот разъяснит обстановку.

Спросонья человеку трудно уловить нить событий. Тем более таких странных. Поэтому когда директора торгового доставили в милицию и попросили охарактеризовать заведующего магазином, он только смущенно моргал глазами и потирал руки.

— Все это как-то неожиданно. Я даже затрудняюсь, так сказать, определить... То есть, я имею в виду, — с какой стороны органы интересуются данным товарищем...

— Давайте со всех сторон. Не ошибетесь.

— Г-м, со всех... По-моему, вполне положительный товарищ. Опытный руководитель. Непьющий. Вот, пожалуй, и все...

— А его отношения с коллективом?

— С коллективом? По-моему, вполне нормальные отношения.

— Не замечали за ним каких-либо странностей?

— Странностей? Вроде бы нет. Если, конечно, не считать мягкотелости к подчиненным. Слишком много им прощает. — Тут директор вдруг заговорил оживленнее. — А вообще-то, что тут поделаешь? Людей у нас не хватает. Готовим мало, а работать надо. План требуют? Требуют. А с кем давать? Можно, конечно, молодежь выдвигать. Можно. Но, с другой стороны, пока ты ее поднимешь...

— Вы не о том говорите, — прервал его дежурный. — Нас в данный момент интересует не подбор кадров. И не план. Нас интересует завмаг.

Директор смутился:

— Вы спросили — я ответил. О завмаге я вам сказал свое мнение. Боится Пал Палыч потерять квалифицированных работников. Бережет. И многое им прощает. Есть у него два заведомо — Плахин и Чурсин. Не нравятся они мне. Правда, ни разу у них ревизия не обнаружила недостатки. И все-таки не нравятся. А он держит. Дрожит, как бы не ушли...

Дежурный уже не слушал директора. Следствие снова зашло в тупик. Из тупика его вывел вбежавший сотрудник милиции. Наклонившись к дежурному, он зашептал:

— Только что звонил сторож. Ну, того магазина, где вот ихний муж завмаг. Говорит...

— Стоп! — поднял руку дежурный. — Граждане, прошу выйти и подождать в коридоре.

— Батюшки, убили! — заголосила в ужасе жена завмага.

— Гражданка, прошу не волноваться. Сейчас все выясним.

Когда все вышли, сотрудник торопливо рассказал о сообщении сторожа.

— Все ясно! В машину, поехали.

Машина понеслась по сугробам, сквозь метель и ветер.

Сторож ждал милицию у калитки. Сопровождая прибывших к служебному входу в магазин, он торопливо рассказывал:

— Гляжу — ведут Пал Палыча под руки. Открывает он замок и говорит мне: стой, дескать, на посту и никого не пускай, мы сейчас выйдем. А сами—в магазин. Странно мне все это показалось... Они тут, в служебке. В кладовой, то есть...

Сотрудники милиции осторожно вошли в коридор. Дверь в кладовую была приоткрыта. Слышались голоса:

— Ты, Пал Палыч, не серчай. Пять минут — и все в ажуре. Ты пойми нас! Сели выпить, а в запасе всего два поллитра. Какая это выпивка? Раздразнили себя — и только. На улице — ночь. Где достать? Конечное дело, в своем родном магазине. Сейчас возьмем пару бутылок, и можешь закрывать. А хочешь, доставим тебя домой на руках? Наподобие магараджи!

— Магараджи... Днем не могли прихватить свои бутылки? — сердился завмаг. — Совсем обнаглели. Начали хватать человека по ночам. Гангстеры!

— Не рассчитали. Думали, двумя обойдемся.

— Не рассчитали... Думаете, не вижу, как вы все тащите из магазина? Все вижу. А как ревизия — покрываете друг у друга недостачу...

— Так мы же от тебя и не скрываем, Пал Палыч! Потому как ты нам роднее родного отца.

— Роднее... Завтра же обоих к черту выгоню!

— Выгоняй, выгоняй, Пал Палыч. Только с кем останешься? С мелюзгой? Мы тащим, зато все шито-крыто. А план тебе даем? Даем. Чего еще? Давай, гони. Раз такой поворот, гони...

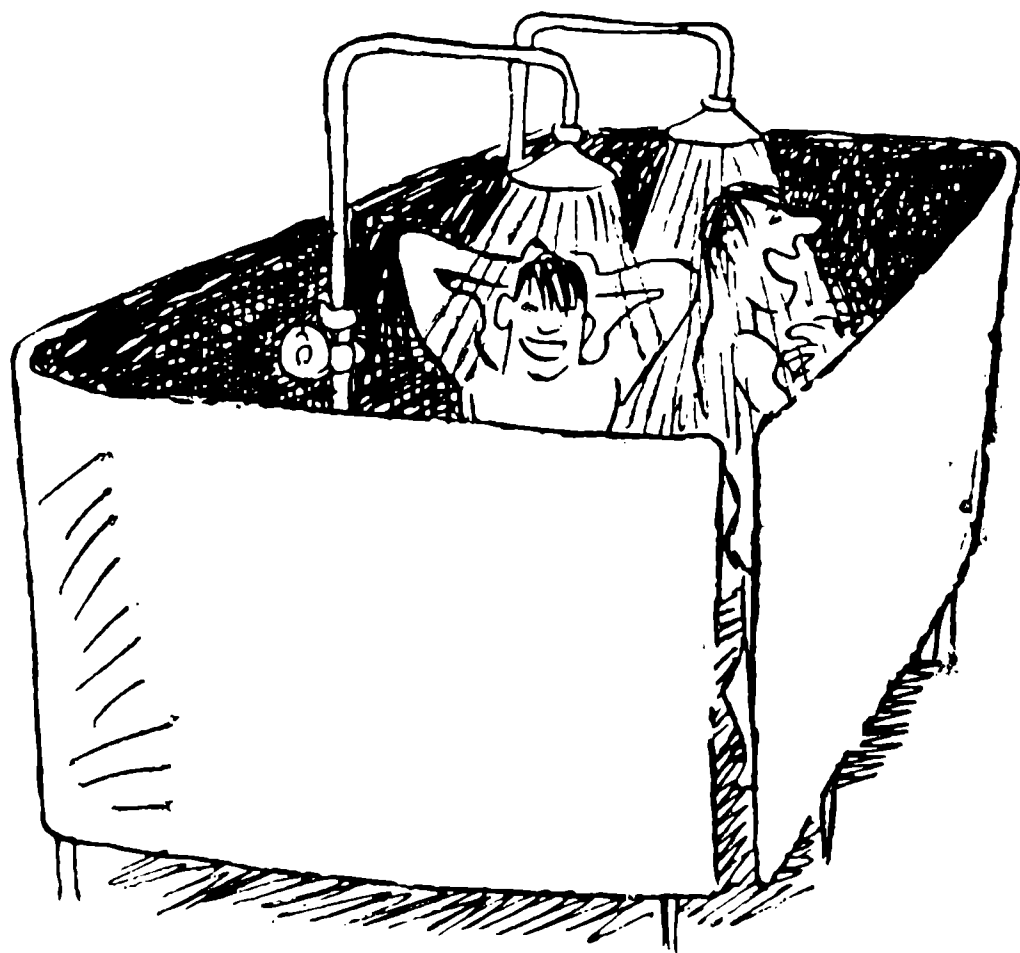
— Вот сволочи! — крикнул завмаг в сердцах.

И тут милицейский наряд вошел в кладовую.

...Когда всех трех доставили в отделение и составили протокол, завмаг, переминаясь с ноги на ногу, попросил:

— Только не привлекали бы вы их, а? Давайте возьмем на поруки. Недостачу из своего кармана покрою, только не трогайте. Без них нам крышка. Работать-то с кем? Как план тянуть?..

ДУШЕВАЯ

Кузьмич уже в годах, немного сутуловат. Лицо худощавое. Очки простенькие, в потускневшей железной оправе. Как все дальнзоркие люди, когда разговаривает, смотрит на собеседника поверх них.

И теперь, выступая на собрании, он глядит поверх очков. Только не в зал, а на председателя завкома товарища Вертячего, который сидит в президиуме. Как будто беседует с одним товарищем Вертячим.

— Начали? — говорит Кузьмич. — Начали. А когда кончать?

Бригадир слесарей-сборщиков — человек медлительный. Председатель завкома, напротив, — резок и порывист, за словом в карман не лезет.

— Начали, Кузьмич, — отвечает он жизнерадостно. — А раз начали — закончим!

Они ведут беседу по бытовому вопросу, насчет душевой. Самой обыкновенной душевой — элементарном предприятии гигиенического назначения, какового пока нет. Есть только решения завкома о его создании. Два, а может, и три.

Об этих решениях и разговор.

Кузьмич говорить не мастер. Он мнется около трибуны, потому что товарищ Вертячий совсем его добил:

— Раз решения приняты — добьемся! Никуда она, администрация, не денется. Выполнит!

На помощь Кузьмичу приходят его ребята — слесари-сборщики.

— А когда? — кричит из зала самый бойкий. — После дождичка в четверг?

Товарищ Вертячий, как бы протестуя или защищаясь от неуместных шуток, выставляет ладони щитком вперед:

— К порядку, товарищи! Не на базаре. Когда? Об этом спросим директора. Давай, Василь Ильич.

Поднимается директор. И рассказывает. Он рассказывает, что после реконструкции сборочного цеха освободилось помещение инструменталки. Приличное помещение. Просторное, с цементным полом. Вот тут и решили оборудовать цеховую душевую. Завезли трубы. Даже пробили дыру в стене, куда должна стекать вода. Но на том дело и кончилось. Вышли деньги, а новых ассигнований пока не предвидится. Все резервы из фондов предприятия кинули на жилье: завод ускоренными темпами достраивает жилой дом. Он куда нужнее душевой.

— Потерпим, товарищи, — заключил директор. — Ассигнования — есть ассигнования, сами понимаете. Закончим одно — возьмемся за другое.

И Кузьмич, понимая, что ассигнования — есть ассиг-

нования и что прежде надо закончить одно, а потом браться за другое, спустился с трибуны.

Но не таким сговорчивым оказался тот, что побоевее.

— Все равно, — выкрикнул он, — нужно еще решение!

— Может, человеку прямо с работы надо на свидание, а он неумытый, — объяснил позицию крикуна сочувственный бас.

Посмеялись, однако решение приняли.

После собрания бригада Кузьмича сгрудилась в том самом помещении, которое в принципе должно было стать душевой. Сейчас в нем стояли кабинки, куда складывали, переодеваясь после смены, спецовки. По горячим следам продолжался беглый обмен мнениями.

— Построже надо было спросить с завкома, — слышался голос рассудительного человека. — Директор — директором, а все-таки это завкомовская забота, чтобы все было в ажуре с бытовым обслуживанием.

— В ажуре... — возразил тот, который сразу после работы бежал на свидание. — От Вертячего дождешься ажур! С него спросишь!

— Тише, — слышался смешок, — начальство идет...

— А чего мне бояться? Я ему и в глаза скажу.

— Ну-ну, скажи, — предложил появившийся председатель завкома.

— И скажу... Этому вашему решению — та же цена, что и прежним. Не так?

— Ишь, какой горячий!

— А вы как думали? Полгода принимаем решения. Мы можем и повыше написать.

— А ты не грози! — обиделся товарищ Вертячий. — Молод еще, чтобы грозить. И вы тоже, Кузьмич! Митинг, понимаешь, собрали... — И ушел.

Кузьмич, до тех пор молчавший, сказал:

— Хватит, Петро, языком молоть. Я вот гляжу — и

в понятие не возьму, какой дурак дыру в этом месте пробил. Разве вода в нее пойдет? Пробивать надо было во-он в том углу. Туда наклон, — значит, туда и сток. Ну-ка, подай молоток и шлямбур.

Тот рассудительный, что затеял разговор о завкомовской заботе, поднял из груды трубу, прикинул:

— Длинноваты. Придется подрезать. А автоген занят.

— Петро, сбегай посмотри, — отозвался Кузьмич. — Может, и не занят.

— И плашки захвати! — крикнул вдогонку рассудительный. — Раз трубы укорачивать, значит, и резьбу делать заново.

...На другой день товарищ Вертячий принес директору завода отпечатанное машинисткой решение цехового собрания.

— Для порядка, — сказал он. — Решение — оно не помешает. Может, попросить ссуду? Тогда вместе с отношением можно послать и решение. Для солидности.

— Можно и послать, — согласился директор. — Только вряд ли твое решение поможет. У нас уже лежит одна заявка на ссуду.

Ответ на свое письмо директор получил через полмесяца. Позвонил Вертячему:

— Зайди, если есть время.

Вертячий зашел.

— Вот ответ насчет ссуды пришел, читай. Обещают только в четвертом квартале.

— Чиновники и бюрократы! Давай писать выше.

В этот момент задребезжал телефон.

— Слушаю. Здравствуй, Кузьмич... Постой, постой, как это? Ну и ну...

Директор положил трубку и стал надевать пиджак:

— Душевая-то, оказывается, уже готова.

— Как — готова? — удивился Вертячий.

— А вот так. Пока мы с тобой отношения сочиняли...

Построили, говорит, в нерабочее время. Причем, на общественных началах. И то правильно — для себя. Кузьмич — мужик хозяйственный. Пошли посмотрим.

Душевая и в самом деле была готова. Трубы, правда, еще не покрашены, но из них уже били струйки горячей воды. Молодые ребята-сборщики в облаках пара с шутками подставляли под те струи крепкие плечи. Сам Кузьмич уже помылся и теперь, расчесывая волосы, с усмешкой посматривал на директора.

— Так что даром я тогда на трибуну полез. Иной раз лучше без решений...

— Василий Ильич! — донеслось из дальнего угла. — Раздевайтесь, идите мыться. Вода — во! И Вертячий пусть идет.

ПРОФИЛАКТИКА

В конце дня Авилов говорит:

— Селиванов, задержись после работы. Твой вопрос будем разбирать.

У меня в месткомѐ два заявления. Одно на путевку в санаторий, другое — на расширение жилплощади. Сижу и гадаю, какое будут разбирать...

После работы захожу в местком. Все члены в сборе. Гляжу — и жена моя сидит. Ясно, думаю. Раз пригласили жену, — значит, по квартирному заявлению.

Председатель Авилов держит в руках листок и, не глядя на меня, говорит:

— Сам будешь говорить или зачитать?

— А что, — говорю, — зачитывать? Была комиссия, смотрела. Сделала заключение. Тесновато живем. Нужна квартира попросторнее. И в заявлении указано...

Марья Ивановна из бухгалтерии раздраженно пожимает плечами:

— При чем тут квартира? О какой квартире он говорит?

— Ты пока про квартиру подожди, Селиванов, — поддерживает ее Авилов. — О квартире после будем говорить. Может, и совсем из очереди исключим. Еще неизвестно, какое решение определим. Ты давай говори по существу. О вчерашнем...

Бывают такие моменты на жизненном пути, когда, грубо говоря, в один миг буквально балдеешь. Как будто тебя сверху кирпичом оглушили. Такой момент, чувствую, наступает теперь.

Смотрю на жену. А она поворачивается и смотрит на меня. И тоже, вижу, ничего не понимает.

— На тебя поглядишь, — говорит Авилов, — прямо, как солдат Швейк. Дурачком прикидываешься. Тебя спрашивают, за что жену избил?

Я только глазами моргаю.

Он говорит:

— Придется зачитывать сигнал. Как члены месткома?

Члены месткома, ясное дело, согласны. И Авилов читает:

«В нашей стране человек человеку друг, товарищ и брат. И очень жаль, что встречаются еще такие товарищи, как ваш сотрудник из планового отдела товарищ Селиванов, который устраивает дома скандалы и избивает жену с ребенком. Вчера этот товарищ, ваш сотрудник из планового отдела, пришел пьяный и поднял шум...»

— Какой пьяный, — не выдержал я, — когда мне пить нельзя: у меня язва!

— А шум был?

— Какой там шум! Просто...

— Нет, ты подожди. Говори прямо. Шум был?

— Был. Но это...

— Нет, ты подожди! Значит, признаешь — был?

— Кто бы мог подумать! — вступает неторопливо в наш разговор Илья Борисович. — Селиванов избивает жену...

Но тут не выдерживает жена.

— О чем вы говорите? Откуда вся эта чепуха! Никто меня не избивал. Чего вы на него напали? Вчера мы... Ну, по хозяйству...

— Он ее запугал, — говорит Марья Ивановна из бухгалтерии. — Она потому и покрывает его.

— А что до язвы, — вставляет молодой парень (не знаю его фамилии, он новый у нас в конторе), — то иные с язвой закладывают похлеще, чем иные без язвы...

Председатель прекращает прения и продолжает зачитывать сигнал. Я уже знаю, кто его написал: пенсионерка, которая живет за стеной. Вроде бы, и женщина хорошая. Душевная. Вежливая...

— Сколько раз тебе говорил, — кричу жене, — не передвигай без конца мебель из угла в угол! Как поставили, так пусть и стоит, пока не сгниет!

— Видали? — кивает на меня Марья Ивановна. — Он и тут на нее орет. Вы не дома, Селиванов! Вы на заседании месткома.

И начинает уговаривать жену, чтоб та не боялась меня и рассказала всю правду.

— Она, наверно, потому боится, — делает заключение тот парень, которого фамилию я не знаю, — что опасается, как бы его из списков на квартиру не вычеркнули.

— Ничего не боюсь! — говорит жена и, вижу, чуть не плачет.

Она рассказывает про мелочи нашего семейного быта — как мы передвигали мебель, чтоб было поуютнее,

и что мы готовы извиниться перед пенсионеркой, если ее потревожили.

— Ни перед кем извиняться не надо, — говорит Авилов. — Чего перед ней извиняться? Ее благодарить надо за то, что она за вас заступается. Вы лучше расскажите, почему он швырнул в вас табуреткой.

— Господи! Да никто не швырял. Передвигали зеркало — стул уронили.

— Ну да! Рассказывайте... А ребенка за что выпорол?

— Никто его не порол!

— Чего же он кричал?

Для меня это тоже новость.

— Может, ты Вовку наказывала? — спрашиваю жену.

Мне и самому интересно.

— Чего бы я наказывала?

— Чего ж он, в самом деле, кричал?

— Забыл, что ли? Залез под стол и стукнулся об радиатор. Ей-богу, спрашиваешь...

— Надо было смотреть!

— А ты где был?!

И мы на глазах членов месткома начинаем легкую семейную сцену.

Прерывает ее председатель. Он зачитывает последнее обвинение, заключенное в сигнале:

— «И до того довел он свою жену, что она высохла вся и ходит, как тень...»

Она у меня на кондитерской фабрике работает. А там от одного вкусного духа люди наполняются свежестью и румянцем. И моя жена тоже свежа, румяна, можно сказать, полна сил и здоровья. Такая она жизнерадостная, что, когда идет по улице, встречные оглядываются.

Все члены месткома на нее посмотрели, и от смущения она стала еще румянее.

— Ладно, — говорит председатель, — есть такое

мнение: Селиванова с женой помирить и на первый раз объявить ему выговор. Условно.

— Мирить нас не надо, — говорю. — Мы и так мирно живем. А выговор за что? Хоть и условно.

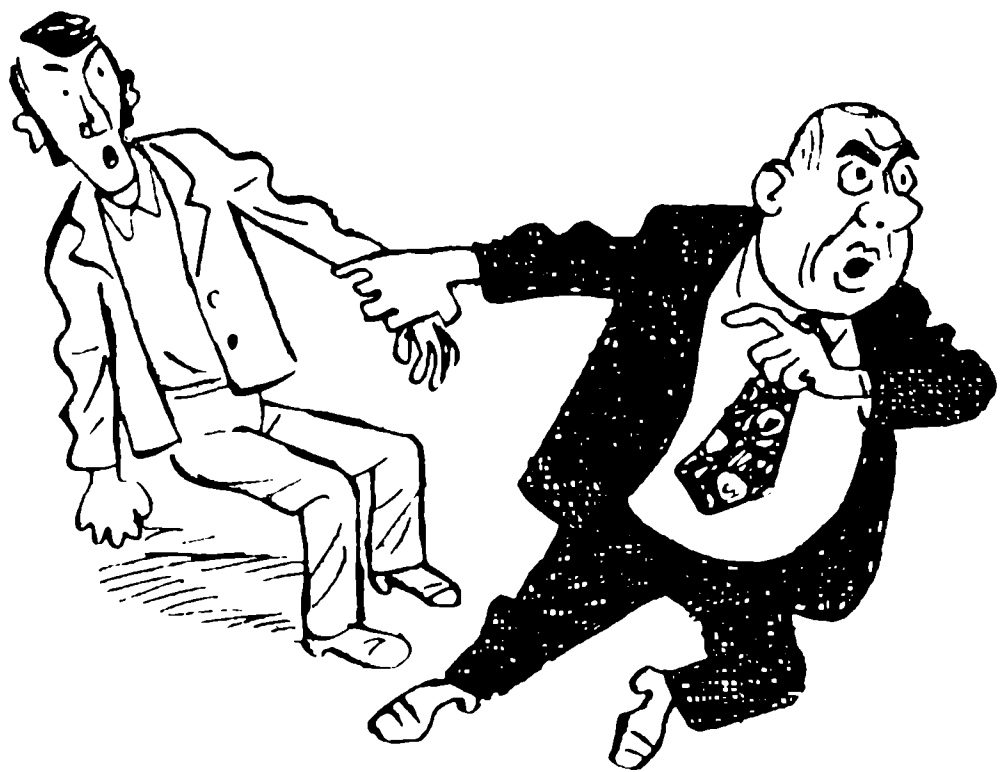
— Для профилактики. Что-то между вами, Селиванов, есть. Даром писать не будут. Общественность, Селиванов, — она все видит. Будь спокоен...

Домой возвращаемся молча. И вдруг жена срывается:

— Дал господь мужа! Какой ты, к черту, мужчина? За себя постоять не можешь, не говоря уж — за меня... Что-то я такое же говорю ей в ответ.

А потом она мне...

«ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?»

Интеллигентный вид. Отлично выбритое лицо. Благородная, «банковская» седина. И мягкие манеры, располагающие к хорошему, душевному, теплomu разговору.

Он пришел к нам в редакцию узнать, есть ли на земле справедливость.

— Да, — повторил он с печальной улыбкой, — есть ли?

Мы поинтересовались, в каком аспекте Федор Дмитриевич Щербина хотел бы рассматривать этот вопрос — в философском ли плане (некоторые искатели справедливости рассматривают его только так), или на какой-то конкретной основе. Потому что, если рассматривать этот вопрос в философском плане, нам пришлось бы

собрать конференцию с привлечением научных сил города. А для этого требуется время.

Но Федор Дмитриевич успокоил нас: на поиски справедливости он пустился, имея в виду вполне конкретную основу — горькую обиду на сына.

Собственно, обид было две. Первую сын нанес Федору Дмитриевичу, когда женился. Нет, в самом факте женитьбы сына Щербина-старший ничего обидного не усматривал. Обида заключалась в том, что Щербина-младший привел в дом не ту сноху, какую хотел бы папа. Родитель весьма откровенно выразил свое недовольство. Настолько откровенно, что молодые решили уйти, сняв угол у знакомых.

Вторая обида последовала сразу за первой, с первой была связана и из первой проистекала. Прощаясь с родительским кровом, Щербина-младший трахнул табуреткой об пол.

Ах, не надо бы Щербине-сыну хватать табуретку! Но раз уж такая семейная сцена состоялась, ее требовалось в своем кругу и переварить. Потому что, на наш взгляд, представляла она собой узкосемейный интерес. Но Федор Дмитриевич почему-то решил, что его ссора с сыном по поводу табуретки должна привлечь внимание широких кругов. Возможно, даже вплоть до Организации Объединенных Наций.

Сначала Щербина-старший поехал на курорт, чтобы поправить здоровье, пошатнувшееся от описанного выше конфликта. Потом, набравшись сил, стал добиваться от сына материального и морального удовлетворения. И вот добивается уже пять лет.

Год за годом, день за днем.

От народного судьи Федор Дмитриевич потребовал, чтобы тот: а) обязал сына возместить затраты, связанные с его поездкой на курорт, б) взыскал с него стоимость купленной двадцать пять лет назад, а теперь раз-

рушенной табуретки и в) упек сына в места заключения со строгим режимом.

Судья внимательно выслушал его и отказался удовлетворить требования по пунктам «а» и «в». И сказал ответчику:

— А вот за табуретку придется уплатить.

— Ладно, — сказал сын, вытаскивая трешку, — пусть берет. Она новая дешевле стоит.

Однако напрасно судья и сын пытались всучить потерпевшей стороне трешку. Федор Дмитриевич отбивался от нее так, будто ему хотели засунуть в карман гадюку.

— Только по решению суда! — кричал он. — Только через судебные органы!

Ну что ж. Суд официально принял от Щербины-младшего три рубля, выдав ему квитанцию. Затем судебный исполнитель отправил указанную сумму Щербине-старшему по почте. Получилось, правда, меньше трех рублей, потому что часть средств пошла на оплату почтовых расходов. Зато все было сделано на законном основании, как требовал Щербина-старший.

Все чин-чином.

А Федор Дмитриевич между тем развернул кипучую деятельность. Он настроил жалобу в административную комиссию горисполкома, потащил сына на товарищеский суд. Товарищеский суд «указал» сыну, а административная комиссия ответила, что не находит в действиях Щербины-младшего криминала, который бы давал основание обрушить на его голову всю мощь закона.

— Ах, не находите! — горячился отец, скрипя пером по бумаге.

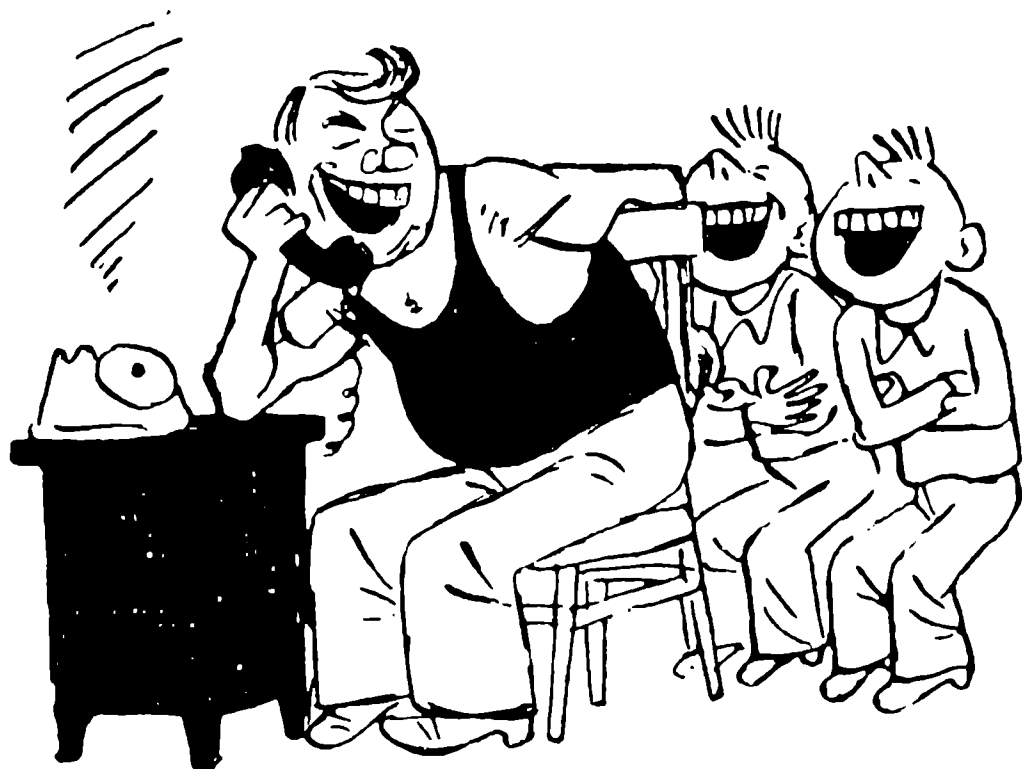
Он шел все выше и выше. Он посылал жалобы заказными письмами в областной суд, в прокуратуру, в Москву...

Сумма, которая пошла на отправку писем, давно превысила полученные в качестве компенсации за поломанную табуретку два рубля с копейками, а его все не понимают.

И вот он сидит в редакции и, грустно улыбаясь, вопрошает:

— Теперь скажите — есть на земле справедливость?

ВОСТРЯКОВ НА ПРОВОДЕ

Расставив мебель и оглянувшись в новой квартире, он почувствовал — чего-то не хватает. И вдруг понял, чего, — телефона!

Его прямо как по голове ударило. Все есть — стулья, стол, гардероб, тумбочка. Нет только на тумбочке телефона. Он чуть не задохнулся — так захотелось иметь телефон.

— Ну зачем он тебе? — застонала жена.

— Как зачем? Как зачем?.. — закричал он. — Как зачем!

И он стал объяснять, зачем нужен телефон. Во-первых, звонить в булочную — есть ли хлеб. Во-вторых, в баню — большая ли очередь. В-третьих... В-третьих, ему могут позвонить с работы.

Он тут же написал заявление и побежал в телеграфно-телефонную контору.

Не надо думать, будто контора тут же послала к нему монтера. Нет! Но контора не знала его пробойной силы. Он бегал туда по два раза в день. Одних хватал за грудки, другим заглядывал в глаза. И добился. Ибо, как поется в песне, кто хочет — тот добьется.

И вот у Востряковых появился человек с телефоном под мышкой. И приступил к работе.

Когда он, оставив на полу обрезки разноцветных проводов, ушел. Востряков сказал свое слово. Тихо и раздельно:

— Если кто подойдет к тумбочке—голову пробью.— И закричал: — Ясно?!

Близнецы Валерка и Вовка отпрянули.

Жена оказалась права: телефон был не нужен. Булочная располагалась в том же доме и хлеб там всегда имелся. В баню нужды звонить не было, потому что мылись в собственной ванной. А с работы никто не звонил, потому что Востряков так часто бегал с места на место, что на производстве к нему не успевали приглядеться.

Вострякову телефонное молчание между тем не давало покоя.

Вернувшись как-то в веселом настроении, он подсел к тумбочке. Излишек энергии клокотал и рвался наружу. Хотелось чего-то такого. Пока не познанного. Он полистал телефонный справочник, снял трубку и набрал первый попавшийся номер. Трубка ответила длинными гудками.

Набрал другой номер—послышались короткие гудки.

— Смотри, занято! С кем-то говорит! А кто говорит? Ага, Жариков Г. С.

Немного погодя, Востряков повторил вызов.

— Слушаю, — ответил утомленный мужской голос.

— С кем это ты сейчас говорил? — спросил Востряков.

— Я вызывал скорую помощь, — недоуменно ответил мужчина. — А кто спрашивает?

— Сейчас узнаешь. Возьми бумагу и карандаш. Взял? Теперь надень очки. Пиши: «Я, Жариков Гаврила Семенович...

— Вы ошиблись. Меня зовут Геннадий Сергеевич...

— Хорошо! «Я, Жариков Геннадий Сергеевич, — круглый дурак». Написал?

— Ничего не понимаю...

— Потому и не понимаешь, что круглый дурак. Ха-ха-ха!

— Как вам не стыдно! — слышалось в трубке. — У меня жена больна...

А Востряков хохотал — так ему понравилась забава. На диване прыгали и хохотали близнецы.

Энергия клокотала и рвалась наружу. После того как был набран следующий номер, в трубке послышался густой баритон:

— Житков слушает.

— А Житкова где?

— Дома.

— Чем она занимается?

— Мы в театр собираемся. Собственно, кто ее спрашивает?

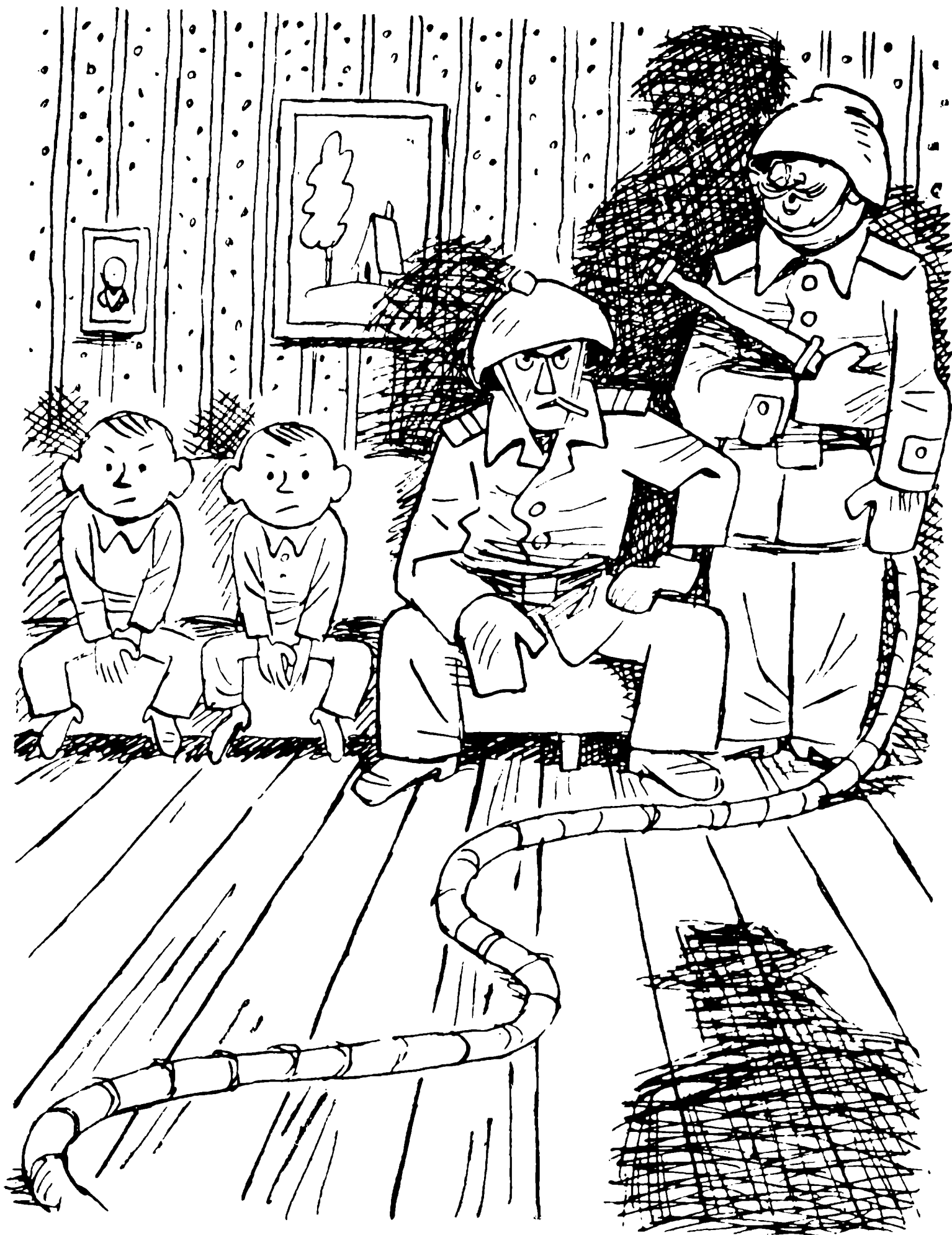
— Пригласите Житкову к телефону.

Послышался удивленный женский голос:

— Слушаю вас.

— Почему в театр? — закричал Востряков, заранее закипая от смеха. — Мы же с тобой договорились в ресторан!

— Послушайте! — Баритон в телефонной трубке, сменивший женский голос, перешел в визг. — Как вы смеете?!

Востряков хохотал до икоты. Потом, отдышавшись, поднял упавший справочник. Он и не подозревал, что телефон дает такие возможности для веселья. Напрасно жена пыталась оторвать его от тумбочки.

Страница была озаглавлена: «Телефоны экстренных вызовов». Его осенило.

— Милиция? Приезжайте на Луговую, три. Житков жену убивает!

Это ж надо, как придумал!

— Ха-ха-ха! — близнецы визжали от восторга.

— Так... Теперь пожарная. Кому вызвать пожарную? А, директору! Это ему за выговор. А это что? Ха-ха, скорая помощь! Чудесно. Ноль-три. Скорая? Приезжайте на Вокзальную, пять. Роды. Фамилия? Василькова Вера Васильевна...

Востряков уже не смеялся, а выл. Он представил себе, как «скорая» приезжает к Васильковой и узнает, что это одинокая женщина, которую месяц назад коллектив треста, где последнее время обрел место Востряков, проводил на пенсию.

...Как-то Востряков с женой пошел к приятелю. И перед тем моментом, как поднять бокалы и содвинуть их разом, в прихожей раздался телефонный звонок. Приятель побежал к трубке.

— Востряков, тебя!

— Папа, — кричал кто-то из близнецов, то ли Валерка, то ли Вовка, черт их разберет, — горим! У нас пожар! Вечеринка тотчас распалась.

Востряковы, задыхаясь, бежали по морозным улицам. Еще издали увидели они у своего подъезда пожарную цистерну и машину скорой помощи.

Полузадохнувшиеся Востряковы ворвались в свою квартиру. Ничего не горело... На диване сидели ухмыляющиеся близнецы, а на стульях — представители неотложных служб...

— Вы зачем это сделали?.. — страшным шепотом спросил Востряков.

— Да-да... — захныкали близнецы, — тебе можно, а нам нельзя?..

На другой день, когда Востряков маялся на диване с головной болью и потому не пошел на работу, вдруг, наконец, в его квартире раздался телефонный звонок.

Звонили из милиции...

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Люблю горячих	5
Я за себя спокоен	10
Свинья на блюде	14
Последняя табуретка	20
Дед Савелий на часах	25
Мероприятие личного характера	30
Кадровый волк	35
На чашку чая	42
Заборы и люди	49
По культурной надобности . . .	54
Человек с нагрузкой	58
Свой гривенник ближе к телу . .	62
Завмага украли	66
Душевая	73
Профилактика	78
«Где справедливость?»	83
Востряков на проводе	87

Епифанов Д. А.

Е 67 Последняя табуретка. Юмористические рассказы и фельетоны. Амурское отд. Хабаровского кн. изд., 1976. 96 с. с илл. 15 000 экз. 12 к.

Дмитрий Андреевич Епифанов — журналист, заслуженный работник культуры РСФСР, ответственный секретарь редакции газеты «Амурская правда».

Начинал очеркистом. Затем стал выступать в жанре сатиры. Как фельетонист сотрудничает в «Правде» и в «Крокодиле». В «Библиотеке «Крокодила» выходил сборник фельетонов и сатирических рассказов Д. А. Епифанова, в литературно-художественном сборнике «Приамурье мое—1975» опубликована его повесть «Квартирант».

В этой книге собраны фельетоны и рассказы, публиковавшиеся в областной и центральной печати.

Е $\frac{70302}{M160(03)-76}$ -76

ДВ Р2

Елифанов Дмитрий Андреевич

ПОСЛЕДНЯЯ ТАБУРЕТКА

Юмористические рассказы и фельетоны

Амурское отделение

Хабаровского книжного издательства,

Благовещенск, ул. Ленина, 181

Редактор М. Л. Гофман

Художественный редактор П. К. Пустовой

Технический редактор В. С. Сафонова

Сдано в набор 10/III-76 г. Подписано к печати 13/IV-76 г. Бумага 70×108/32, тип. № 3. Печ. л. 3, усл. печ. л. 4,2, уч.-изд. л. 3,47. ВЕ00251. Заказ № 1820. Тираж 15 000 экз.
Цена 12 коп.

Книга набрана и отпечатана в типографии № 1 Амуруприздата, Благовещенск, ул. Калинина, 10. Линотипист Ф. Я. Милюков. Верстальщик В. П. Чупряев. Цинкограф А. Ф. Фролов. Печатники С. Ф. Величко, А. С. Смолин, В. М. Буянов, В. П. Орлов. Переплётчики Н. К. Харина, А. Г. Косицын.

12 коп.

